

АНДРЕЙ ВОРОНИН

МИШЕНЬ ДЛЯ СТЕШОГО

Слепой

Андрей Воронин

Мишень для Слепого

«ХАРВЕСТ»

2005

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

Воронин А. Н.

Мишень для Слепого / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ»,
2005 — (Слепой)

ISBN 978-985-18-5049-1

Давняя афера КГБ с фальшивой валютой грозит обернуться для ФСК провалом агентурной сети. ФСБ подключает к делу своего секретного агента Глеба Сиверова по кличке Слепой. Следы преступников выводят Слепого на генерала ФСК, выступающего в роли... кидалы.

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

ISBN 978-985-18-5049-1

© Воронин А. Н., 2005
© ХАРВЕСТ, 2005

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	42
Глава 6	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Андрей Воронин

Мишень для Слепого

© Составление. Оформление. ООО «Харвест», 2005.

Глава 1

Ни для кого не секрет, что разведка – это глаза и уши государства. Каждому государству хочется знать, что замышляют его соперники, что собираются делать его друзья. И чем лучше работает разведка, чем сильнее она и дееспособнее, тем спокойнее чувствует себя государство. И во все времена, во всех странах деятельности разведки уделялось самое большое и самое пристальное внимание.

И никогда на разведку не жалели средств: безопасность стоит дорого. Но она того стоит. Эти деньги, как правило, не проходили по статьям бюджета, их скрывали от посторонних глаз. И информацию о том, как и из каких источников финансируются органы безопасности, знали, как правило, единицы – самые надежные и проверенные люди.

Еще в древности каждый правитель пытался забросить лазутчиков в стан врага, чтобы они вовремя могли оповестить о замыслах тех государств и тех людей, которые способны навредить.

Да, разведка существовала всегда, еще с незапамятных времен. Лазутчикам платили, их поддерживали, берегли как зеницу ока. И всегда народ обманывали баснями о том, что большинство разведчиков, работавших, например, на Советский Союз, действовали по каким-то высшим идеологическим мотивам. Естественно, есть и такие, но в девяносто девяти случаях из ста мотивы были чисто меркантильными. Для того чтобы вывести важную тайну вероятного противника, не жалели даже золотого запаса государства – того неприкосновенного золота, которое берегли и старались приумножить.

И представьте себе такую ситуацию: агентура, работающая за границей, вдруг получает от своих тайных покровителей фальшивые деньги... Не нужно гадать, к чему это приведет. Вся сеть – тысячи людей – будет раскрыта, и вся огромная многолетняя работа пойдет насмарку. Государство потеряет глаза и уши и будет тыкаться в разные стороны, как слепой котенок, попадая в ловушки, уготовленные соперниками.

Да, в последние годы, особенно после перестройки, финансовое положение органов госбезопасности оставляло желать лучшего. И вот на очень высоком уровне, в кремлевских кабинетах, было принято решение продать небольшую часть военной техники заинтересованным странам. А деньги, вырученные от сделки, направить на поддержание органов госбезопасности, чтобы этими деньгами наша разведка могла рассчитаться с теми, кто поставляет важную информацию, с теми, кто занимается промышленным и политическим шпионажем и другой деятельностью, без которой не может обойтись ни одно государство.

Курировать эту сделку было поручено генералу ФСК Петру Павловичу Разумовскому, человеку проверенному и надежному. Он занимался этим делом, на взгляд руководства, ответственно и компетентно...

Глеб Петрович Сиверов, секретный агент по кличке Слепой, был близок к нервному срыву, хотя пока еще и сам не подозревал об этом. Он надеялся, что у него крепкое здоровье, железные нервы и ничто не может вывести его из равновесия.

Но не какое-то определенное событие расшатало его спокойствие, а все происшедшее в последние месяцы накладывалось одно на другое, наслаивалось, забирало его выдержку каплю за каплей. Не так-то легко рисковать жизнью ради того, в чем начинаешь сомневаться. А сомнения все чаще и чаще одолевали Слепого.

Ему и раньше приходилось задумываться, что он служит людям, честность и порядочность которых под очень и очень большим вопросом. Разумеется, для Глеба всегда существовало оправдание: «Я служу не людям, а Родине». В действительности же всегда приходится выполнять поручения вполне конкретных людей.

Нет, в честности генерала Потапчука он был уверен, но беда Сиверова заключалась в том, что генерал ФСБ Потапчук являлся единственным звеном, связывающим Глеба с этой могущественной организацией. Он мог, конечно, спросить Федора Филипповича, долго ли того уламывали, прежде чем он согласился участвовать в операции. Глеб всегда оставлял за собой право выбора, не желая становиться бездушным исполнителем чужой воли. Он доверял себе, доверял генералу. Но кто знает, если делаешь благое дело, не обернется ли оно потом большей бедой, чем та, которую ты предотвратил?

Будь Глеб каждый день занят работой, такие сомнения не навещали бы его. Когда действуешь, нет времени на размышления. Максимум о чем подумаешь, так это как спасти свою или чужую жизнь. И он уже проклинал себя за то, что выторговал у Потапчука свободную неделю, взяв у того обещание, что, даже если мир покатится в тартарары, генерал не станет беспокоить Слепого по таким пустякам.

– Я узнаю об этом из газет, – улыбнулся Глеб.

– Уж не задумал ли ты, Глеб Петрович, навсегда отойти от дел? – забеспокоился генерал, понимая, что Глеб Сиверов способен и на такой поступок.

– Если бы задумал, то сказал бы вам.

– Надеюсь, ты не станешь действовать, как мальчишка, и я, придя к себе на службу, не найду на столе письмо, в котором ты прощаешься со мной навсегда?

Сиверов рассмеялся:

– Неужели вы, Федор Филиппович, так и не уяснили, что я не стреляю из-за угла, не осуждаю ни кого за глаза и не меняю уже однажды принятое решение?

– Всякое бывает, – Потапчук пожал плечами. – Люди меняются не только внешне... – он сделал паузу, внимательно посмотрев на Глеба, зная, что тот комплексует даже по прошествии лет: Сиверов так и не смог привыкнуть к своему новому лицу – настоящему шедевру пластической хирургии.

– В душу ко мне никто со скальпелем не лез, – спокойно ответил Сиверов, хотя внутри уже закипал.

Он чувствовал: генерал Потапчук специально злит его, потому что, разозлившись, Глеб долго без работы не просидит.

Когда за генералом закрылась дверь оперативной квартиры, расположенной в мансарде одного из домов в арбатских переулках, Глеб Сиверов попробовал взять себя в руки.

«Знает же, подлец, – без неприязни подумал он о Потапчуке, – что злость – единственное лекарство от сомнений, поселившихся в душе. И именно поэтому я не позвоню ему первый. Выторговал себе неделю, так неделю и буду отдыхать, пусть даже под конец этого отпуска нервы расшатаются ни к черту».

Сиверов опустил на окна жалюзи и, надев наушники, включил музыку. Хотел раствориться в ней, перестать думать, перестать ощущать самую страшную боль – боль сомнений. Но убежать от самого себя у него не получалось. Музыку Вагнера он знал так же хорошо, как незрячий знает дорогу от своего дома до ближайшего табачного киоска. Этой дорогой идешь автоматически, не задумываясь о поворотах, помня наизусть все ее каверзные места, а значит, имеешь возможность размышлять.

Многолетняя привычка приучила Глеба Сиверова одновременно рассуждать о нескольких вещах, решать несколько проблем сразу. А теперь эта спасительная привычка сослужила ему плохую службу.

Он со злостью сорвал с себя наушники и еще некоторое время сидел, с отвращением глядя на них. Так, что побелел указательный палец, вдавил в пульт кнопку. Музыка смолкла, но она все равно продолжала звучать для него, знакомая до ноты, до полутона. И при желании Сиверов мог бы сказать сейчас, сколько скрипок играет в оркестре и сколько музыкантов сидит,

положив чуть разогревшийся от игры смычок на колени. Тишина и та была наполнена для него смыслом.

– Я спокоен. Абсолютно спокоен, – проговорил Глеб, повторяя фразу-формулу, которой его обучал психотерапевт в военном госпитале. – Абсолютно спокоен. Спокоен, как, как... – на мгновение Глеб замолк, скользя взглядом по комнате. – Как стол, как стул, как выключенная кофеварка...

Ни одно из сравнений не приносило облегчения, не заставляло сработать волшебную формулу, нехитрую, но действенную.

– Я спокоен, как ручка, в которой кончились чернила...

Глеб усмехнулся.

«Удачненькое сравнение! Ты сравни себя еще с мертвецом, вот уж спокойствие, дальше некуда. Человек жив, пока в нем живы эмоции, пока он способен смеяться, радоваться, огорчаться, любить...»

– Я же люблю? – неуверенно задал он себе вопрос. «Или только обманываю себя, Ирину? Изображаю любовь к ней лишь потому, что у меня не хватает времени встретиться с другой женщиной, узнать ее поближе. А чем Ирина лучше других?»

– Тем, что я люблю ее, – тут же ответил себе Сиверов.

«Ну что ж, получился замкнутый круг. Оно и неплохо. Если забыть о том, что белка, крутясь в колесе – таком же замкнутом круге, – уверена, что движется вперед...»

Глеб сообразил: еще немного, и если он останется наедине с собой, то сумасшествие ему гарантировано. Не так уж много в его душе существовало спасительных уголков, где можно было укрыться от терзаний.

«Ирина обрадуется, – подумал он, – узнав, что у нас на двоих есть целая неделя. Целая неделя спокойной и размеренной жизни, когда ты можешь позволить себе спать сколько угодно, делать что угодно, лодырничать».

Сиверов набросил куртку и, стоя у входной двери, обесточил все помещение, щелкнув пакетным выключателем, чувствуя, что у него не осталось сил проверять, все ли приборы отключены из сети.

Человеку свойственно строить иллюзии, и на собственный счет – тоже. И хотя Глеб убеждал себя, что спешит домой, спешит увидеть Ирину Быстрицкую, он не стал останавливать такси, а спустился в метро. Он ехал в раскачивающемся вагоне, стоя под неровно горевшим старым плафоном, и смотрел на лоснящееся черное стекло вагонной двери. Глядя на него со стороны, можно было подумать, что человек всецело занят решением какой-то сложной и невероятно важной проблемы. Но на самом деле Глеб раздумывал, как меняется значение надписи на дверях «Не прислоняться», если удалять из нее разные буквы: «Не...слоняться», «Не п...ис...яться», «Не...слон...», «Не п...и...ть...»...

Он даже замер, когда из всех вариантов остался только один: «Не...я». Словно бы сам черт подсунул ему эту дурацкую забаву с плохим концом, и он вновь попал в заколдованный круг, из которого не существовало выхода.

«„Не я“ и все тут!» – он плотно сомкнул веки, пытаясь скорее отыскать еще одно решение, которое поможет ему обрести душевное равновесие.

И наконец получилось словосочетание, сделанное уже по другому принципу. Глеб не удалял буквы, а одни заменил другими. Получилось: «Не преклоняться».

Не ахти какая игра мысли, но круг разорвался, жизнь обрела смысл. Видимое всем, сделалось для Глеба только своим, личным. Скользя под землей в вагоне метро, он представлял себе городские пейзажи, которые проносятся наверху. Решив головоломку с надписью на двери, он потерял к ней всякий интерес. Теперь Глеб представлял себе, что вся земля над ним

прозрачна и он видит дома, соборы, погруженные фундаментами в глубь грунта, видит город в таком ракурсе, в каком его не видит никто – снизу. Получалось довольно забавно.

Но вот бесстрастный голос из динамиков сообщил, что следующая станция – «ВДНХ». Двери закрылись. И тут Сиверов, не смотревший до этого по сторонам и лишь инстинктивно прислушивавшийся к шуму в вагоне, заметил, что тот притих. Смолкли не только разговоры, но даже не слышалось обычного шороха газет и перелистываемых страниц.

Он обернулся как раз в тот момент, когда поезд, набирая скорость, вошел в темный туннель. В другом конце вагона стояла странного вида старуха – худая, абсолютно седая, одетая в тряпье, но чистое и аккуратно залатанное. Именно она явилась причиной внезапной тишины, наступившей в вагоне.

Она не просила милостыню. Нет. Старуха, сверкая безумными глазами и хитро улыбаясь, медленно приседала, словно пытаясь рассмотреть кого-то, прятавшегося под рядами сидений. Опираясь на отполированную до блеска кривоватую палку, она опустила на корточки и выставила перед собой корявый, но опять-таки чистый палец. Она указывала прямо на Глеба. Пассажиры непроизвольно поворачивали головы и тоже смотрели на Сиверова.

Глеб сделал шаг в сторону. Палец старухи даже не дрогнул. Теперь она указывала в пустоту, все так же хитро и зло улыбаясь. При этом губы ее едва слышно шептали то ли проклятие, то ли предупреждение кому-то невидимому, притаившемуся в душном пространстве мчащегося по туннелю поезда.

– Он, он, – шептала старуха.

– Кто? – не выдержав, спросил ее мужчина в длинном пальто с потертым воротником.

– Прячется, – кривя рот в неприятной улыбке, отвечала старуха. – Прячется!

Больше никто не решался ее ни о чем спрашивать, но почему-то все продолжали смотреть на Сиверова, словно это он был виноват в том, что сумасшедшая нарушила покой, царивший в вагоне.

– Он, он...

За окнами мелькнули знакомые светильники станции «ВДНХ». Поезд вздрогнул, остановился. С шипением разъехались створки дверей. Старуха, не шевелясь, продолжала указывать пальцем в пустоту. Сиверов шагнул на платформу, услышал краем уха объявление, что двери закрываются, и с облегчением проводил взглядом грохочущий состав, уносивший от него и глупую надпись, и безумную старуху.

«Ты скоро совсем суеверным станешь и, увидев черную кошку, будешь сворачивать в переулки», – разозлился на себя Глеб, ступая на эскалатор.

Рифленые металлические ступеньки несли пассажиров к солнечному свету, к свежему воздуху...

Сиверов шел по улице легко, словно спортсмен, сохранивший к концу дистанции силы и опередивший соперников. Он даже не сбавил шаг, оказавшись на лестнице в подъезде, взбежал по ней и остановился у двери квартиры. И хоть ключ лежал в кармане куртки, позвонил.

Ирина открыла не сразу. Наконец, после того как она справилась с двумя нехитрыми замками, Глеб увидел ее немного влажное от наложенного крема лицо.

– Ты почему не спрашиваешь, кто там? – как ребенку, принялся выговаривать он.

– Ко мне можешь прийти только ты, – улыбнулась Ирина, пропуская его в квартиру и быстро закрывая дверь, будто боялась, что вслед за Глебом в небольшую квартиру в Беринговом проезде войдут и все его заботы и проблемы.

Глеб уловил это ее настроение. Он попытался поцеловать женщину, хотя, честно говоря, ему этого сейчас и не хотелось – устал душой, – но Ирина наклонила голову и уперлась ладонями ему в плечи.

– Подожди. Разве не видишь, я вся в креме? Вот сотру его...

– Я не хочу, чтобы ты его стирала.

– Тогда жди, – тряхнула головой Ирина, тут же прядь волос упала ей на лоб и прилипла. – Ну вот, ты мне всю прическу испортишь!

– Я что, не вовремя?

Глеб понимал, он говорит не то, что следовало бы, но других слов у него не находилось, и он испытывал неловкость: с этой женщиной он привык быть искренним. Глеб притянул Ирину к себе.

– Я не люблю выглядеть некрасивой, – запротестовала она, легко освобождаясь от объятий и подходя к зеркалу.

Быстрицкая приводила в порядок прическу, быстро орудуя острой ручкой металлической расчески.

– Наша девочка дома? – спросил Глеб, сбрасывая куртку.

Он специально так назвал дочь Ирины, желая хотя бы этим загладить свою вину за неосторожно брошенные слова.

– У них в гимназии, – ответила Ирина, не поворачиваясь к Сиверову, – организовали экскурсию в Суздаль. Я ее и отпустила.

– Ты могла посоветоваться со мной?

– И что бы ты мне сказал?

– Я бы сказал, что она еще мала, чтобы ездить так далеко без нас.

– За ребятами есть кому присмотреть. Если ты хочешь, чтобы она выросла самостоятельной...

«Погоди, не горячись, – сам себе сказал Глеб, – это ее дочь, Ирине и решать проблемы с ее воспитанием. Потому что ты для Анечки – часть праздника, она видит тебя чуть чаще Деда Мороза, а Ирина – это будни. Ей видней, не учи людей жить, если сам не умеешь этого делать».

– Они надолго поехали?

– На четыре дня.

Глебу приходилось бывать в Суздале, он неплохо знал этот город, и ему хотелось сказать, что он показал бы Ане Суздаль лучше любого экскурсовода. Но на это жена могла ответить, что у Глеба нет времени даже на то, чтобы сходить с Аней в зоопарк. И была бы абсолютно права...

«Боже, все тот же замкнутый круг!»

Он глянул в зеркало, перед которым стояла Быстрицкая.

Первое, что он увидел там, – это свое лицо. Свое – и вместе с тем чужое, по-прежнему, даже спустя столько лет, непривычное для Глеба. Казалось бы, волосы – это то, что должно остаться неизменным после любой пластической операции, но и тут Сиверова ждало разочарование. Хотя он стригся совсем коротко, но и в ежике жестких непослушных волос была заметна седина, особенно бросающаяся в глаза на висках. Затем Глеб посмотрел на отражение занятой собой Ирины.

«Да, в последнее время ее взгляд изменился, словно стал направленным внутрь», – подумал он.

Зеркало дало ему подсказку: сейчас он видел лицо Ирины, хотя она и стояла к Глебу спиной. Женщина немного виновато повела плечами.

– Не знаю, что со мной происходит, – сказала она, – но, кажется, я перестаю понимать не только тебя, но и себя.

– Я и сам себя не понимаю, – попытался улыбнуться Сиверов и обнял Ирину за плечи.

Ирина осторожно положила расческу на зеркальную полку и прижалась к мужу. Глеб смотрел на их отражение в зеркале так, будто наблюдал за счастливой для постороннего взгляда парой. Его собственные движения казались ему ловкими, выверенными, заученными – и потому фальшивыми.

Глеб попробовал себя уговорить: «Да пойми же, не бывает, чтобы каждый раз повторялось, как в первый день. Ко всему со временем привыкаешь – к любви, к опасностям, к верности и к предательству... – И сразу возник вопрос: – Тебя это радует?»

Зеркало отразило, как провел Глеб рукой по волосам женщины, как его пальцы сжали ей мочку уха. И Ирина слегка прогнулась, ощутив возбуждающую боль. Она не спешила сразу же отдаться своей страсти, предпочитая растянуть удовольствие. Глеб смутился немного, будто и впрямь подглядывал за чем-то недозволенным, ведь Ирина не думала в этот момент о том, что он видит и себя, и ее со стороны.

– Идем в комнату, – сказал он и поднял Быстрицкую на руки.

И когда он шагнул из прихожей, его двойник в зеркале понес Ирину прочь – в темную глубину стекла. Мелькнул край светлого халата, из-под которого виднелась незагоревшая нога, отразился легкий взмах женской руки, словно Быстрицкая прощалась, и мужчина с женщиной на руках исчез за рамой зеркала.

Быстрицкая и не заметила перемены в муже. Он показался ей таким же, как прежде, может, немного более ласковым и только. Сам же Сиверов почти не ощутил обычной остроты близости; не принес разочарования, она не принесла ему и облегчения. Еще стоял день, и на улице было светло, но Быстрицкая, утомленная любовной игрой, уснула, полуприкрытая простыней. Она положила руку Глебу на грудь, будто боялась, что он исчезнет, пока она спит, и она проснется одна на широкой кровати.

Чуть слышно тикали часы, за окном глухо гудел огромный город.

«Странно, – думал Глеб, – тихий звук часов различим в шуме многомиллионного улья столицы. Хотя какой это улей. Гудят и мухи, обсевшие падаль... Вот так, все мне сегодня видится с худшей стороны. Выпадают же денечки!»

Вскоре он уловил и другие звуки. Громко и быстро билось его сердце, размеренно стучало сердце Ирины. На два ее удара приходилось три Глебовых. Их сердца стучали, точно два идеально отлаженных метронома, один на две четверти, другой – на три четвертых. И Сиверов, лежа рядом с Ириной, пытался сделать нелегкий выбор. Он был бы счастлив оставаться рядом с ней всю эту неделю, но одновременно чувствовал, что делать этого не стоит: если они останутся вместе, то не он будет поддерживать Ирину, а та станет отдавать ему жизненную энергию, ощущая пустоту, возникшую в его душе. А этого ему не хотелось.

«Не будь эгоистом, – сам себе сказал Глеб. – Вот когда ты будешь полон сил и энергии, желаний и радости, тогда поделишься ими с ней. Может быть, на восстановление сил тебе потребуется всего лишь один день, может быть, два, а может, и вся неделя. Но ты сам поймешь, когда должен вернуться к ней».

Он осторожно взял за запястье руку Ирины и снял ее со своей груди. Прислушался к сонному дыханию женщины, поверившей на какое-то время, что он надолго останется с ней.

«Прости, родная».

Он наклонился, почти не касаясь губами, поцеловал Ирину в висок. Темная волнистая прядь качнулась от его дыхания.

«Счастье не имеет права быть продолжительным, – нашел для себя спасительную формулировку Глеб, становясь босыми ногами на прохладный пол, – иначе это уже не счастье, а обыденность».

Он умел передвигаться без малейшего шума, уходить и появляться незамеченным. Дверь в спальню закрылась беззвучно. В прихожей Глеб вырвал из блокнота, лежащего рядом с телефоном, страничку и написал: «Извини, дорогая, снова дела. Когда появлюсь – не знаю. Надеюсь, скоро».

Записку он приколот булавкой к обоям и быстро, боясь, что передумает, оделся. Несколько секунд помедлил, прежде чем прицепить к поясу маленькую коробочку пейджера,

по которому генерал Потапчук мог связаться с ним в любую минуту. Но, поколебавшись, прицепил-таки.

Глеб взял бумажник с документами, вышел из квартиры и, придерживая рукой защелку замка, закрыл дверь. Особого выбора, куда направиться, у него не было. С его профессией многочисленными друзьями не обзаведешься.

«Если я сам не умею радоваться, то хотя бы могу попробовать порадовать других», – решил Глеб, усаживаясь в машину.

Не в его привычках было кого-то предупреждать о своем приезде. Да и не любил он суеты вокруг собственной персоны.

«Хороший гость тот, к приходу которого не нужно готовиться».

Сиверов загадал: если первый светофор встретит его зеленым сигналом, значит, все в дальнейшем пойдет хорошо.

«Конечно же, глупость, – подумал Глеб, – но почему-то так хочется в это верить!»

Когда он выехал из-за поворота, в конце квартала увидел зеленый глаз светофора. Сколько уже горел разрешающий свет, Слепой не знал. И огромным искушением казалось ему вдавить педаль газа, рвануть вперед, чтобы успеть пролететь перекресток именно сейчас. Но Сиверов продолжал ехать на пределе разрешенной скорости.

«Ты же никуда не спешишь! Так и не лети сломя голову», – уговаривал он себя.

До перекрестка было рукой подать, когда светофор мигнул.

«Я загадал зеленый. Даже если светофор мигает, но не успел переключиться на желтый, я выиграл».

Перекресток остался за спиной, и, бросив взгляд в зеркало заднего обзора, Сиверов увидел желтый свет. Дальше он ехал даже слишком медленно для Москвы. Когда он шел в третьем ряду, сзади него кто-то коротко посигналил, напоминая о том, что можно было бы двигаться и побыстрее. Глеб глянул на спидометр – нет, правила разрешали именно эту скорость и ни километром в час больше.

Нетерпеливым водителем оказался владелец новенького джипа «Чероки». Джип наседали, от серебристого «БМВ» Глеба его отделяли считанные метры. Джип несколько раз мигнул фарами.

«Ну идиот! – подумал Глеб. – Если бы спешил на самом деле, то, не поколебавшись ни секунды, вывернул бы на встречную полосу и ушел вперед меня. А так будет плестись в хвосте со своими провинциально-хамскими замашками».

Но водитель «Чероки» не унимался. Он вновь коротко просигналил, мигнул фарами и подошел почти вплотную, чуть ли не утыкаясь никелированной дугой в задний бампер машины Сиверова.

«Хочешь порезвиться? Порезвись».

И он принялся плавно-плавно увеличивать скорость – так, что это увеличение оставалось почти незаметным, если не смотреть на стрелку спидометра. Расстояние между автомобилями не сокращалось. На перегоне между светофорами Глеб разогнал «БМВ» до ста километров в час, и, находясь довольно близко от перекрестка, резко тормознул и тут же отпустил педаль тормоза.

«Нервный человек, – подумал Глеб о водителе джипа, – а нервным на дороге делать нечего».

Мужчина, сидевший за рулем джипа рядом с расфуфыренной дамой, ради которой, наверное, и старался ехать быстрее всех, неожиданно увидев перед собой красный всполох стоп-сигналов, заслышав визг тормозов, от испуга надавил на тормоза что было силы. Глеб, подготовленный к такому маневру, легко выровнял машину и пролетел перекресток на мигание зеленого света. «Чероки» же занесло, и он, выехав на пешеходную зебру, замер как вкопанный.

«Машина у тебя хорошая, – рассудил Глеб, – но сам ты водитель ни к черту. Довыпендривался перед подружкой!»

Со злорадством Глеб наблюдал, как народ, идущий по переходу, заглядывает в окна машины.

«Сидишь теперь, как в аквариуме. А ведь ты ненавидишь и презираешь тех, кто ходит пешком, не так ли, приятель?»

Похоже, неприязнь владельца крутой иномарки и пешеходов была обоюдной. Старик с тросточкой, размахнувшись, опустил ее на капот джипа. И тут уж Глеб решил больше не смотреть на перекресток – не любил он сцен расправы.

«Главное не то, с какой скоростью ты едешь, – ухмыльнулся Сиверов, – а то, можешь ли ты ехать впереди всех».

Вскоре он миновал Московскую кольцевую автодорогу, но вместо того чтобы ехать по новой трассе, свернул на старую. Сейчас его интересовала не скорость, а лишь возможность отдохнуть, полюбоваться пейзажами. За окнами машины проплыли заповедник Горки и затейливые зубчатые перила моста через речку. Впереди открывалась деревня Ям.

Глава 2

Дача старого генерала Лоркипанидзе стояла на отшибе недалеко от леса. Ворота, как всегда, оказались закрытыми, а вот небольшая калитка, точно приглашая Глеба войти во двор, была распахнута. Сиверов прошел по еле обозначенной в жухлой осенней траве тропинке и остановился возле крыльца. Понять, что дома хозяина нет, было не сложно. Несмотря на прохладную погоду, все окна в доме раскрыты настежь, ветер раскачивал занавески, то забрасывал их в дом, то вытаскивал на улицу.

Зная пристрастие генерала к свежему воздуху, Сиверов сообразил, что тот пошел прогуляться, оставив дом проветриваться. Из окна кухни выглянула пожилая опрятная женщина, домработница генерала. Она большую часть времени проводила в Москве, занимаясь просторной квартирой своего хозяина, в которой генерал сам почти не бывал. Во всяком случае, даже выбираясь в город, ночевать Лоркипанидзе неизменно возвращался на дачу. Глеба домработница видела всего несколько раз, но, поскольку гостей у генерала бывало не так уж много, запомнила его.

Вытирая руки о влажное полотенце, она сказала:

– Вы не волнуйтесь, с Амвросием Отаровичем все в порядке.

Глеб и в самом деле несколько обеспокоился, увидев домработницу, ведь обычно генерал обходился на даче своими силами.

– Я приезжаю сюда только тогда, когда у генерала накапливается стирка, – добавила женщина.

– А где Амвросий Отарович?

– Вы бы в дом вошли.

– Хотелось бы поскорее его увидеть.

– Спешите?

– Не совсем.

Домработница исчезла из окна. Затем она появилась уже на крыльце, успев по дороге поправить прическу.

– Вон туда идите, – привстав на цыпочки и придерживаясь рукой за столбик навеса, домработница указала на реку. Глеб увидел неподалеку от камышей деревянную лодку, в которой сидел седовласый генерал с удочками в руках.

– Хорошо, спасибо. – По взгляду женщины Глеб догадался: ей бы не хотелось, чтобы Лоркипанидзе возвращался вместе с Глебом в дом, уж очень много дел набралось по хозяйству и не так-то удобно заниматься уборкой, когда в доме гости. – Мы с ним побудем на реке, так, наверное, лучше, – сказал Сиверов.

Домработница ответила ему благодарной улыбкой, но из вежливости возразила:

– Зачем, вы мне не мешаете.

– Я давно не был на природе.

«Какой все-таки милый молодой человек, – подумала старушка о сорокалетнем Глебе Сиверове, – а главное – предупредительный».

Глеб шел по густой сухой траве, ощущая, как пружинит под ногами влажная земля. На лужайке перед леском, отделявшем речку от домов, паслись две ухоженные сытые коровы и стреноженный конь. И хоть Глеб родился и вырос в городе, он ощутил, как кольнуло сердце от здешней красоты, от размеренности и спокойствия жизни. Если раньше он временами подтрунивал над старым генералом, что тот предпочитает деревню городу, то теперь сам пожалел, что все свое свободное время, такое нечастое, проводит в Москве или других крупных городах, где невозможно отдохнуть по-настоящему. Там что ни делай, время проносится стремительно, подчиняясь бешеному темпу жизни. А тут, в деревне, хоть и расположенной совсем близко от

столицы, минуты растягиваются в часы, часы – в дни. И пара суток, проведенных на природе, равноценна неделе отдыха в большом городе.

Глеб двинулся напрямую через лес, стремясь как можно скорее оказаться у реки. Он раздвигал руками заросли орешника и малины, пригибался под большими нависшими над головой ветками. Лесок кончился внезапно, и Сиверов оказался на небольшом обрывчике, выходящем к реке. Внизу желтел мелкий песок подмытого в излучине реки берега.

Генерал сидел в лодке к Глебу спиной, нахохлившись, такой же неподвижный, как и поплавки на спокойной в заводи воде. Сиверову казалось неуместным нарушить этот покой, он просто не имел права грубо в него вторгаться, прерывать чужие мысли, не зная, о чем человек думает. Сиверов опустил на корточки, достал сигарету и щелкнул зажигалкой. Язычок пламени отклонился к реке, повинаясь легкому дуновению ветра. Глеб с удовольствием глубоко затянулся. Сигаретный дым стек с обрыва и поплыл над водой.

Сиверов докурил сигарету до середины, когда первое легкое облачко дыма достигло лодки. Почуввав дым, Амвросий Отарович недовольно обернулся. Он уже битых три часа искал причину, почему нет клева. И вот теперь появлялось приемлемое для рыбацкого самолюбия объяснение: рыба не ловится потому, что здесь ходят чужие.

Но при виде Глеба Сиверова, который спокойно сидел на корточках на верху невысокого обрыва, будто бы устроившись тут с самого утра, Лоркипанидзе расхохотался:

– Ах, вот кто припожаловал! – и принялся без всякого сожаления сматывать удочки.

А потом, стараясь не показывать, что это удастся ему с трудом, вытащил самодельный якорь из воды, забросил его в лодку и взялся за весла.

– Встречай!

– Счастливый вы...

– Кто тебе не дает такого счастья?

Когда лодка ткнулась носом в берег, Глеб подхватил ее за веревку и наполовину вытащил из воды. Генерал обнял Сиверова, затем, засуетившись, стыдливо прикрыл пустое ведро для рыбы куском брезента.

– А где Ирина? Где Анечка? Наверное, ждут в доме? Что же ты не привел их сюда, к реке?

Глеб неопределенно пожал плечами.

– Один я приехал, Амвросий Отарович.

– Что ж так? Поссорились? – насторожился генерал. – Или у тебя дело какое-нибудь секретное?

– Вы не поверите, – ответил Сиверов, помогая генералу привязать лодку к склонившемуся над водой дереву, – но дел у меня сейчас никаких. Абсолютно! Свободен, как птица в полете.

– Свободен, как птица? – иронично улыбнулся генерал. – Ей, чтобы лететь, крыльями махать надо.

– А я парю в полете, – ответил шуткой на шутку Глеб.

– Смотри мне! А с Ириной вы что же, поругались?

– Нет. Именно для того, чтобы не поругаться, я и уехал.

– Тоже резонно, – проговорил генерал, игнорируя поданную Глебом руку и сам взобрался на осыпающийся песчаный откос. – Только такой отдых, как у тебя, до добра не доведет. Отдыхать с семьей надо. Что ж, пошли в дом. Если дел у тебя никаких, то поможешь мне дрова пилить.

– В самом деле? – изумился Глеб.

– А что ж ты думал? Человеку всегда работать надо, когда головой, а когда и руками. Да ладно, шучу, – рассмеялся Лоркипанидзе, – дрова-то мне как раз и не привезли. Мерзну. Но ничего, приезжай через неделю. Целая машина прибудет, мы ее с тобой за пару дней перепилим, поколем, сложим и высушим.

– Дома у вас уборка, не хотелось бы мешать. Может, прогуляемся?

– Э, нет, гостя всегда в дом надо вести.

– Мешать будем, – запротестовал Сиверов.

– Мой дом – это все, что находится за забором, – усмехнулся Лоркипанидзе. – Посидим с тобой во дворе, костер разложим. Небось, ты, Глеб, забыл, как дрова выглядят?

– Вы же говорили, дров нет.

– Для печки и для камина нет, а для шашлыков у меня отложены.

Вскоре они уже сидели под большим навесом, где был сооружен каменный очаг с расположенной над ним жестяной вытяжкой дымохода. Тут же, в углу, аккуратным штабелем лежали сухие дрова – совсем немного. Генерал забросил их на решетку очага.

– Видишь, Глеб, последних дров на тебя не жалею. С другом всегда нужно при огне сидеть.

– Даже в жару?

– Не передергивай, дурная привычка.

Генерал поджег сложенную газету. Языки пламени лизнули дрова, потянулись к дымоходу. Сиверову показалось, что генерал с садистским удовольствием следит за тем, как огонь пожирает газету, переполненную плохими новостями. Его удивляло, что Амвросий Отарович почти никогда не говорит с ним о современной политике, о нравах, воцарившихся в сегодняшнем мире. Хотя поводов для ворчания у генерала Лоркипанидзе было не меньше, чем у любого другого старика.

– Вам нравится сегодняшняя жизнь? – задал провокационный вопрос Глеб.

Генерал досмотрел, как огонь уничтожил газету, и только после перевел взгляд на Глеба.

– Чья – твоя или моя?

– Вообще наша, страны.

– Вообще жизни не бывает, – Лоркипанидзе сел за стол напротив гостя и положил перед собой морщинистые руки. Под желтоватой пергаментной кожей проступали вздутые вены. – Вообще жизни не бывает, – наставительно повторил генерал, – и если кому-то стало плохо, значит, кому-то сделалось хорошо. Понимаешь, Глеб, – он сузил глаза, – у каждого человека несколько жизней...

Сиверову на какое-то мгновение показалось, что генерал сам не понимает, о чем говорит. И он решил уточнить:

– Несколько? Вы обратились в буддизм?

– Сейчас объясню, только спешить не надо.

Амвросий Отарович взял в руки перочинный нож и провел им неглубокую бороздку на серых досках стола, за которым наверняка никто давно не сидел. Потом отложил нож и, словно в забытии, стал смотреть в очаг.

Вскоре огонь разгорелся вовсю, генерал Лоркипанидзе протянул к нему руки, желая их согреть. Глебу не было прохладно, но он не ощущал тепла, исходящего от пламени. Глеба согревал один вид огня.

– Жалеть, Глеб, ни о чем нельзя, – наконец нарушил молчание Амвросий Отарович. – Жалют только те, кто ничего не сумел совершить в своей жизни. И если случилось что-то не совсем так, как тебе хотелось бы, то не бейся головой о стенку, а воспринимай это как должное.

Линии, начерченной на столе, пока так и не было никакого объяснения. Сиверов взял нож и его острием аккуратно смахнул со стола стружечку за стружечкой, напоминая хозяину, что пора бы и продолжить беседу.

– Да, вот именно, – спохватился Амвросий Отарович и принял от Глеба перочинный нож с остро отточенным лезвием. Провел поперек длинной линии несколько коротких. – У каждого человека не одна жизнь. Мы все умираем каждый раз, когда меняется мир вокруг нас. То, например, что вчера считалось постыдным, сегодня возносится в ранг добродетели.

– Неужели, Амвросий Отарович, вы считаете, что человек может измениться полностью?
– И не один раз. Глеб, пойми одну парадоксальную и вместе с тем очевидную вещь: в каждом человеке живет не один, а несколько... Как бы их назвать лучше... Скажем, индивидов. Один – это тот, которым ты видишь себя изнутри. Другой – тот, которого видят люди со стороны. Может, я говорю слишком путано?

Глеб покачал головой:

– Нет. Как раз сегодня я подумал почти о том же самом.

– Ну вот и отлично. Значит, ты прекрасно понимаешь меня. И согласишься, Глеб, понимать чувствами – это значительно больше, чем понимать разумом. Говорить чувствами – больше, чем словами. На этот раз и чувства, и разум существуют в одной плоскости. Поверь мне, Глеб, я сегодняшний – уже пятый или шестой в своей жизни.

– А когда вы изменились в первый раз?

– Изменился – это плохое слово, – поправил Сиверова генерал Лоркипанидзе, запустив пальцы в седую шевелюру, – есть в нем что-то от измены, предательства, будто бы я бросил себя прежнего.

– И все же?

– Первый раз, – Амвросий Отарович вонзил острие ножа в доски стола, – конечно же, война, Глеб. Она переделала меня полностью.

– Отец не очень-то любил рассказывать о войне, – задумчиво произнес Глеб.

– А я часто рассказывал тебе о ней?

Глеб молчал.

– Да и ты, думаю, и словом не обмолвился Ирине о том, что тебе пришлось пережить на войне?

– Та война и вчерашний Афганистан – абсолютно разные вещи, – убежденно сказал Глеб.

– Э, нет, погоди. Война – всегда война. Иначе они бы не назывались одним и тем же словом. Нельзя же назвать ненависть и любовь одним словом?

Сиверов в сомнении пожал плечами.

– Возможно. Выходит, у меня еще многое впереди?

– Могу пожелать тебе еще две, три, четыре жизни – сколько хочешь.

– Пока что я изменился только один раз, но зато очень круто.

– И кстати, заметь, Глеб, сделала это та же война.

– По-моему, я близок к тому, чтобы второй раз изменить свою судьбу.

– В третий, Глеб, в третий. По-моему, ты, Глеб, хоть и поверил мне, но все равно то ли не до конца разобрался, то ли напуган. Никак не пойму!

– Да нет, Амвросий Отарович, напугать меня сложно.

– В этом нет ничего страшного. Это как рождение, детство, юность, зрелость, старость, смерть – так же естественно и естественно.

– А когда вы изменились во второй раз?

В глазах Амвросия Отаровича зажглись лукавые огоньки.

– После войны, когда занялся настоящим делом. Но до этого я попал в одну забавную ситуацию в самом конце войны. Ты же можешь представить себе, что больших денег тогда ни у кого не было. И тут-то я несказанно, сказочно разбогател.

– Что, захватили немецкие обозы с золотыми слитками? – хмыкнул Сиверов.

– Нет, обошлось без слитков. Но у меня был миллион или даже больше рублей. Я сам себе казался крезом...

Сиверов недоверчиво покосился на генерала Лоркипанидзе, зная его абсолютно равнодушное отношение к деньгам.

– Да-да, именно, поэтому деньги мне сейчас и безразличны. Я понял тогда, что это просто бумажки, в которые можно верить, а можно и не верить, – генерал принялся затирать большим пальцем левой руки царапину, проведенную ножом на столе.

Догорело и рассыпалось углями последнее полено. Генерал оживленно потер ладони.

– Что-то я тебя все байками кормлю. Нужно чего-нибудь перекусить.

Он быстро отправился в дом и вернулся с небольшим пластиковым ведерком, наполненным маринованным, уже порезанным мясом. В другой руке он держал бутылку коньяка и шампур. Разворошив кочергой угли, генерал ловко нанизал на шампуры мясо и устроил их над жаром.

– Ты присмотри пока за шашлыками, – попросил он Глеба, – а я, если ты не против, расскажу, как меня чуть не погубили большие деньги.

Глеб устроился перед очагом на невысоком, сбитом из досок табурете и время от времени переворачивал шампуры, когда мясо начинало подрумяниваться. То и дело с шашлыков срывались капли жира, вспыхивали яркими огоньками на тлеющих углях, будоража аппетит.

– Это случилось в сорок четвертом году, – генерал Лоркипанидзе говорил так, будто обращался к далекому собеседнику, с которым его разделяло не расстояние, а годы. – Мы воевали в Восточной Пруссии...

– В каких вы войсках служили? – поинтересовался Сиверов.

– Не в тех, о которых ты подумал, – генерал почему-то чуть обиделся, – к СМЕРШу я не имел никакого отношения. Артиллерия, командир орудия. Нам, можно сказать, повезло, хотя на войне, как ты понимаешь, везет всегда за счет кого-то другого. Не знаю уж, сколько людей погибло из-за того, что мне никто не приказал всерьез рискнуть жизнью. Когда штурмовали Кенигсберг, наша батарея стояла неподалеку от маленького городка с забавным названием Раушен.

– Кажется, это переводится как «шум листвы»?

– Да, именно так объясняли местные жители это название. Восточная Пруссия и падение Кенигсберга были чем-то вроде репетиции победы, Берлин в миниатюре. И настроение соответственное, будто мы окончательно разбили немцев. Была иллюзия, что война закончилась. Мир и наступил для нас, правда ненадолго. Море, красивый чистый город, абсолютно не тронутый войной, из которого убежали почти все жители. Курорт. Здесь располагались в основном загородные дома политиков, финансовых воротил, военных. Стояли санатории, принадлежащие Вермахту, госпитали. Мы вошли в этот еще живой с виду, но уже лишенный прежней жизни город. Это может показаться странным, но в Раушене не оказалось из наших ни одного старшего офицера – всем заправляли лейтенанты. Мы на какое-то время выпали из поля зрения командования. Естественно, город потихоньку грабили. Потихоньку для начала, это уже потом офицерье вывозило добро грузовиками. С нас хватало отыскать в подвалах брошенной виллы стеллажи с бутылками вина, ящики с консервами. И вот однажды, на третий день, ко мне пришел знакомый лейтенант из пехоты и, почти ничего не объясняя, попросил следовать за ним. В квартале, где расположилось его подразделение, была кирха. Неподалеку от нее стояло небольшое, очень красивое здание красного кирпича с вывеской «Банк». Внутри уже успели похозяйничать наши вояки – все было перевернуто вверх дном. Лейтенант зажег электрический фонарь, и мы спустились в подвал. Он показал мне огромную металлическую дверь, уже порядком изуродованную, но все еще державшуюся на петлях. Как оказалось, все эти три дня он со своими людьми пытался ее открыть. Сперва отмычками, затем ломami и кувалдами. Последняя попытка тоже ни к чему не привела – дверная ручка, привязанная тросом к автомобилю, не выдержала и оторвалась.

«Послушай, Амвросий, – сказал мне лейтенант, – может, попробуем долбануть по ней из твоего орудия?» – «А что за дверь?» – спросил я. «Думаю, золото!» – в его глазах горел огонек безумия. «А как ты думаешь, – сказал я ему тогда, – немцы такие идиоты, чтобы бросить

золотые слитки в здании банка?» – «Почему бы и нет? Они удирали в спешке». – «Думаю, их не сложно было бы прихватить с собой». – «Да, – поразмыслив, согласился он, – или на худой конец закопать где-нибудь поблизости в надежде вернуться». – «Может, оставим эту дверь в покое? Снарядов, в конце концов, тоже жалко».

Лейтенант было заколебался. Действительно, немцы, отступая, могли и пошутить, заперев пустое хранилище на все замки, зная наперед, что советские наверняка захотят эту дверь взломать в расчете отыскать за ней несметные сокровища.

Но страсть к наживе перевесила доводы здравого смысла, и лейтенант продолжал настаивать.

Делать все равно было нечего, и я согласился помочь ему в безнадежном предприятии – лишь бы человека не мучили сомнения. Утром мои бойцы прикатали орудие, установили его посреди мостовой и, заряжая болванками, раза три выстрелили в подвал. После третьего выстрела по звуку я понял – дверь сорвалась. Подождав, пока рассеются дым и кирпичная пыль, мы сбегали в подвал – и в первый момент обомлели от увиденного. А потом каждый, кто был там, не веря своим глазам, начал хватать, подносить к лицу тугие пачки денег, самых что ни на есть знакомых и родных советских червонцев – хрустящих, никогда не бывших в употреблении.

Первым опомнился лейтенант. Он понял, что происшедшее утаить не удастся. Деньги вывезти оттуда можно было разве что на грузовике. Мы переглянулись. Теперь не было разницы, кто из нас кто – рядовой, сержант, офицер. Все мы вместе являлись временными владельцами шальных денег. И отдавать их кому-либо желания не возникало.

«Значит, так, – сказал лейтенант, обращаясь к своим солдатам, – остаетесь здесь... Нет, на улице. Охраняете деньги, никого не подпускаете».

Никто не тронулся с места. Людям с оружием в руках не так-то легко отдавать подобные приказы. Я ни на чем не настаивал, ни о чем не просил. Лейтенант молча протянул руку, я подал ему свой вещмешок, на дне которого трепыхалась пара грязного белья да начатая пачка немецких сигарет. Лейтенант до отказа набил мой вещмешок пачками денег, затянул тесемки и протянул мне: «Бери. Все равно никто не знает, сколько здесь их было».

Мои бойцы уже сами набивали деньгами карманы, складывали пачки в пилотки. Я понимал, остановить их невозможно, да и самого заворожили высокие штабеля денег.

Мы еще не успели прийти в себя, когда поступил приказ выдвинуться за железную дорогу. И этот приказ вернул меня к действительности. Деньги, лежащие в вещмешке, стали обузой. Как оказалось, к городу подтягивалась одна несдавшаяся немецкая часть. Не знаю, на что рассчитывали фрицы, в каких укрытиях они провели те несколько дней, пока мы праздновали победу. Мы даже толком не установили свои орудия, когда завязался бой. Меня ранило в самом начале. Очнулся только в госпитале, кстати, в том же немецком городке Раушене...

Генерал Лоркипанидзе отбросил со лба прядь седых волос, и Сиверов увидел неровный, словно зигзаг молнии, шрам. От того ли ранения шрам, от другого ли, генерал не пояснил. Но именно показанный шрам и придал его рассказу максимальную убедительность.

– Ты, наверное, не поверишь, Глеб, я даже не вспомнил о вещмешке с деньгами, который перед боем повесил на станину орудия. Первые два дня после ранения с меня хватало уже того, что я остался жив. Тогда я понял, насколько реальна смерть. У тебя перед глазами меркнет свет, и даже боли не успеваешь почувствовать. Вернее, она возникает как эхо, когда уже не слышишь самого крика, но до твоих ушей долетает отраженный звук. И вот на третий день к нам в палату вошел врач и вручил мне вещмешок, сказав, что мои ребята отыскиали меня и попросили передать мои личные вещи. Это произошло так буднично и, наверное, делалось с такими невинными лицами, что никто из медперсонала и не догадался заглянуть внутрь. Когда я развязал тесемки, то ощутил ужас. Все деньги лежали на месте, а я даже не представлял, что мне теперь с ними делать. Кто-то спрашивал меня, не найдется ли в вещмешке бутылочки

спирта или чего перекусить. А я словно язык проглотил – смотрел на деньги и не мог вымолвить слова. Затем вытащил несколько пачек червонцев, положил их на подоконник и сказал: «Берите, кому надо». Деньги, естественно, разошлись по рукам, и мы зажили, как короли. Неправда, Глеб, когда говорят, что в те времена все находилось под неусыпным контролем. Мы в госпитале жили припеваючи целую неделю, пока наконец ко мне не пришли. Вот так и произошло мое первое знакомство с органами. Не скажу, что очень приятное. Денег у меня к тому времени оставалось около половины мешка, мы их разве что не таскали в туалет и не клеили на стены. И тогда-то мне задали тот самый вопрос, который я должен был задать себе, лишь только увидел деньги в подземном хранилище немецкого банка: какого черта там делали новые советские деньги? Думаю, ты не знаешь, Глеб, что и под оккупацией на нашей территории ходили те же самые советские деньги, что и до войны, причем ходили официально и никто их не изымал из обращения – красные червонцы с портретом Ленина.

– Ерунда да и только! – не удержался Сиверов.

– Я тоже так думал. Но потом мне объяснили, да и сам я парень был сообразительный, вроде тебя. Немцы не изымали деньги, потому что рассчитывались ими с населением за продовольствие. А к красным бумажкам советский человек привык, знал, если что, он их и после освобождения в дело пустить сумеет. На государственном уровне немцам не сложно было изготовить искусные подделки, которые практически невозможно было отличить от настоящих денег. Они напечатали их еще до войны. Получалось очень удобно: рейхсмарки могли вернуться в Германию и подорвать экономику, фальшивые же рубли являлись беспроблемным вариантом. Даже попав в руки советских войск – как это случилось у меня на глазах, – они вливались в советскую экономику, а значит, подрывали ее. И вот тогда, Глеб, я потерял всякое уважение к деньгам, потому что они икона, не больше.

– Икона – это тоже немало.

– Да, Глеб, икона, но не сам Бог.

Слушая генерала Лоркипанидзе, Сиверов смотрел на уже почти погасшие угли, над которыми аппетитно дымилось пропеченное мясо. Амвросий Отарович поставил на стол большую плоскую тарелку, и Глеб переложил в нее шашлыки. Рюмку, поставленную перед ним генералом, он сразу же отодвинул в сторону.

– Я пить не буду.

Амвросий Отарович усмехнулся:

– Это хорошо.

– Думаю, вы не обидитесь на меня?

– За что?

– Я пренебрегаю вашим гостеприимством.

– Быть гостеприимным – не значит быть настойчивым. Если не пьешь, значит, собираешься сегодня же уехать. А ехать тебе не к кому, кроме как к Ирине.

Сиверов подумал: «А ведь он прав! Теперь мне, кроме как к жене, возвращаться не к кому. Теперь даже неважно, люблю ли я ее по-прежнему, люблю ли больше, чем раньше, или разлюбил вовсе. Она ждет от меня ребенка, а значит, я в долгу перед ней».

Генерал не спеша ел мясо, а Сиверов торопился. Лоркипанидзе хитро посматривал на него из-под кустистых седых бровей.

– По-моему, ты теперь относишься к жизни немного иначе, чем прежде.

– Как именно?

– Дорожишь ею, что ли... Наверное, у тебя есть кое-какие новости, которые ты не хочешь сообщить старику?

У Глеба имелась одна-единственная новость – они с Ириной ждут ребенка. Но он сам еще не успел свыкнуться с нею, не успел вжиться в свою новую роль. И поэтому посчитал, что посвящать Амвросия Отаровича в сугубо личные секреты не стоит.

– Вы уж извините меня, дошел до ручки, – честно признался Глеб. – Стало совсем невозможно, поговорить не с кем.

– Лукавишь, – Лоркипанидзе налил себе полрюмки коньяка и, смакуя, выпил. – Ты поговоришь можешь с Ириной, но всего ей сказать не можешь.

Глеб растерянно смотрел на Амвросия Отаровича.

– Так я же и вам почти ничего не сказал!

– Все дело в том, Глеб, что не обязательно говорить, хватит того, что со мной ты можешь и помолчать.

Амвросий Отарович поднялся из-за стола, открыл дверь сарая, прилегавшего к навесу, шагнул в его прохладную глубину. Потом вновь появился перед Глебом, с тремя крупными спелыми яблоками, к их коже прилипли обломки тонкой древесной стружки.

– Должен же ты увезти от меня какой-нибудь гостинец. Ну-ка, быстрее возвращайся к Ирине и не вздумай огорчать ее! – и, предваряя все возражения Глеба, добавил: – Езжай сейчас же! Еще не хватало, чтобы она из-за тебя, дурака, на меня обиделась.

Когда в машине Сиверов положил яблоки на сиденье рядом с собой, то салон тут же наполнился тонким ароматом летнего сада – тем запахом, который уже давно был пролистан календарем, но он сохранился в сарае на даче старого генерала, будто время там текло в другом измерении, чем во всем остальном мире. Все спешили жить, а Амвросий Отарович не спешил. Не спешил он потому, что умел наслаждаться жизнью во всех ее проявлениях. Глеб сообразил, именно это роднило его самого с генералом Лоркипанидзе – умение управлять течением времени. То спрессовывать его, когда приходится ждать, в периоды же активных действий растягивать до бесконечности.

Сиверов почти не ощущал скорости, с какой несся его «БМВ» по Москве. Лишь пару раз он бросил короткий взгляд на стрелку спидометра, убеждаясь, что она застыла на отметке чуть больше ста тридцати километров в час. Чтобы свести к минимуму риск быть остановленным гаишниками, он мчался в крайнем левом ряду, зная, что выковырять оттуда машину, даже нарушающую правила дорожного движения, сложно, и обычно инспектора закрывают на таких нарушителей глаза.

Еще не совсем смерклось, когда Глеб Сиверов припарковал автомобиль возле дома в Беринговом проезде. Он взбежал по лестнице, остановился, боясь лишь одного – не угадать, каким взглядом встретит его Ирина.

Он не знал, что Быстрицкая уже долго сидела у окна, борясь с желанием закурить. Она вертела в пальцах незажженную сигарету, подносила ее к носу, пытаясь заменить для себя запах дыма запахом сушеного табака, и смотрела на то, как постепенно темнеет под начавшимся мелким дождем светлое пятно асфальта, оставленное машиной Глеба. Он не знал, что Ирина негромко вскрикнула, когда увидела его серебристый «БМВ», въезжавший во двор. Она стремительно бросилась в спальню, сняла халат и улеглась на кровать, до пояса прикрывшись простыней и подложив под голову сложенные ладони.

Записка на стене в прихожей, десять раз прочитанная Ириной, висела на прежнем месте. Ирина не вышла мужу навстречу, когда он шагнул в квартиру, и Глеб забеспокоился: «Неужели обиделась настолько сильно? А я, дурак, не догадался купить цветы».

Записка, снятая со стены, исчезла в кармане куртки. Глеб осторожно заглянул в спальню и замер. Он застал Ирину лежащей в той же самой позе, в которой оставил ее.

«Неужели она до сих пор спит?»

Сиверов посмотрел на свой хронометр. Прошло три с половиной часа после того, как он бесшумно закрыл за собой дверь. А ему показалось, миновала целая вечность. Он даже успел ощутить себя немного чужим в этой квартире. Сбросив ботинки в коридоре, Глеб на цыпочках пробрался в спальню, разделся и лег рядом с Ириной. Она – как показалось Сиверову, во сне –

что-то прошептала и прижалась к нему. Ее рука вновь легла ему на грудь, как будто он и не уходил.

Он не знал, что Быстрицкая сейчас благодарит Бога за то, что Глеб вернулся, корит себя за пустые переживания. И если раньше она наверняка устроила бы мужу сцену, сперва вдоволь посмеявшись над ним, что он поверил, будто она спит, то теперь и мысли такой у нее в голове не появлялось.

«Он рядом, и больше ничего не надо. Пусть уходит, если считает нужным, пусть только обязательно возвращается».

Теперь для Ирины было не важно, нужна или не нужна она Глебу. Главное, он нужен ей.

Сиверов некоторое время смотрел на потолок, расчерченный тенями, следил за тем, как в сумерках они меняют свои очертания, затем, сам не заметив как, крепко заснул.

...Его разбудила Быстрицкая, поставив на край кровати маленький поднос с чашечкой кофе. Она сидела рядом с Глебом обнаженная, ее волосы были уложены в живописном, продуманном беспорядке.

– Спасибо, – Сиверов приподнялся на локте, все еще чувствуя угрызения совести за свой маленький обман по отношению к жене.

– Глеб, мы столько всего проспали...

– Ты не замерзнешь?

– Тебе не нравится мой вид?

– Нет, но... – начал Глеб.

И тут понял, что не сможет объяснить Ирине состояние своей души. Не сможет объяснить, почему ему неприятно видеть ее обнаженную. Зная, что жена беременна, он смотрит на нее сейчас совсем другими глазами.

Ирина чисто по-женски интерпретировала ситуацию:

– Скоро я стану не такой красивой, – склонив голову, она заглянула Глебу в лицо и положила руку себе на живот. – Я хочу, чтобы ты успел налюбоваться, потому что кто знает, как сложатся...

Глеб улыбнулся и приложил палец к ее губам.

– Не продолжай.

– Почему?

– Потому что следующим твоим словом будет слово «взаимоотношения», а я не люблю канцеляризм.

– Как хорошо, что ты никуда не поехал, – с этими словами женщина бросила взгляд на пейджер, прикрепленный на поясе джинсов Сиверова.

Глебу не хотелось говорить ничего, сейчас любые его слова прозвучали бы фальшиво, будь то очередные заверения в любви или искреннее раскаяние. Он обнял Ирину, прижал к себе. Теперь в его объятиях не было вожделения, той прежней, несколько звериной страсти, когда, хорошенько поразмыслив, понимаешь, что тебе в общем-то все равно, какая женщина рядом с тобой. Он обнимал Ирину не для того, чтобы получить плотское удовлетворение, а для того, чтобы оберегать.

И Быстрицкая ощутила это. Она наслаждалась теплом и покоем, исходившими от этих объятий мужа.

«Неужели он поверил, – подумала Ирина, – что я спала? Неужели он не догадывается, что я волновалась, переживала, ждала его возвращения? Я же вижу по его глазам, что никакого дела не было, он пахнет костром».

Наверное, заехал куда-нибудь в лес, развел огонь и сидел, не мигая глядя на него, думая, что же ему теперь со мной делать. Но он вернулся, и поэтому я забуду все те обидные слова, которые приготовила, чтобы высказать ему. Он их не услышит».

А у Сиверова были свои мысли: «Как хорошо, что Ирина проспала все это время, и я сумел вернуться в тот же самый момент, когда ее покинул. Она не заметила разлуки».

А на низеньком пуфике в прихожей лежала скомканная куртка Глеба. Из-под ее полы выглядывали восковые округлости яблок, и прихожая наполнялась запахом летнего сада.

Глава 3

В крупных портах жизнь не меняется ни днем, ни ночью. Меняются только докеры, но в спецодежде они выглядят одинаково, будто смена, вкалывавшая днем, и не уходила на отдых, а техника работает круглые сутки.

Шел третий день, как на контейнеровозе «Смоленск» в срочном порядке велись работы по переоборудованию палубы. Совсем недавно вышедший из ремонта контейнеровоз вновь подвергался переделке, но не очень большой. Обычное дело – предстояло перевезти негабаритный груз; как всегда в таких случаях, для него оборудовали специальную площадку. Груз, по-видимому, был очень деликатный, поскольку под площадкой монтировалась специальная вибропоглощающая подушка.

Представитель заказчика, мужчина солидного вида в длинном черном плаще, неизменно с кейсом-атташе в руках, не сходил с корабля на берег, следя за производством работ. Он не вмешивался в процесс, не давал советов, лишь наблюдал. Днем постоянно прохаживался неподалеку от рабочих, а по ночам регулярно, каждый час, словно кукушка в ходиках, появлялся из отведенной ему каюты. При этом умудрялся оставаться гладко выбритым, аккуратно причесанным, и на лице его не было ни малейших признаков усталости.

Название российской фирмы, заказавшей эту переделку, – «Константин» – не говорило ничего никому из работников порта. И какая кому разница? Человек платит деньги, обеспечивает работой. И даже когда оказалось, что в портовых складах нет нужной марки металла, заказчик, не сходя с палубы «Смоленска», быстро связался с кем-то по радиотелефону, и сталь нужной вязкости оказалась в порту через четыре часа. С виду представитель заказчика напоминал бывшего военного, сумевшего наладить собственный бизнес. С педантичностью и дотошностью он проверял каждый сантиметр выполненной работы, но не придирился по мелочам. Сварщики и монтажники работали не за страх, а за совесть, поскольку представитель заказчика каждый раз в конце смены рассчитывался с ними наличными вдобавок к тому, что они получали через кассу. При этом не требовал ни расписок, ни даже галочки в ведомости. Становился у палубного ограждения и ловко отсчитывал из пачки денег оговоренные суммы, никогда не ошибался, всех помнил в лицо и узнавал даже при дьявольски тусклом искусственном освещении.

И лишь когда вся работа была закончена, представитель торгово-посреднической фирмы «Константин» сошел на берег. В его портфеле лежали не только документы коммерсанта, но и удостоверение сотрудника ФСК. Звали человека Хализин Арнольд Витальевич, а звание он имел – полковник. То, как проходила плановая загрузка контейнеровоза, его не занимало ни в малейшей степени. Он ожидал прибытия своего груза, ожидал с нетерпением. Ведь на операцию, разработанную в ФСК, его руководители и он сам возлагали большие надежды.

Контейнеровоз «Смоленск» мог уже отправляться в путь, задерживался лишь груз торгово-посреднической фирмы «Константин». Но ее представителя, похоже, не смущали штрафные санкции за задержку рейса, он оставался невозмутим. Груз прибыл ночью на шести платформах, которые тащил мощный тепловоз, принадлежавший Белорусской железной дороге. Больше вагонов в составе не было. То ли их отцепили по прибытии поезда в Калининград, то ли в таком виде он и вышел из Белоруссии.

В порту многих поразила спешка, с которой теперь производилась погрузка.

– Хотя и фирму «Константин» понять можно, – говорили некоторые, – как-никак немалый штраф уплатили, вот и спешат. Впрочем, штраф начисляется за сутки, и спешкой делу не поможешь...

Хализин, дабы не терять времени, даже распорядился, чтобы не отцепляли тепловоз и прицепляли маневровый. Погрузка прошла ночью, четко и слаженно. Нестандартные контейнеры, прибывшие на платформах, перегрузили на палубу контейнеровоза «Смоленск».

Теперь возле полковника Хализина оказался и его заместитель, приехавший поездом вместе с грузом. У него в кармане лежала точно такая же книжечка – удостоверение на имя Малиновского Игоря Александровича, майора ФСК. О том, что именно находится в нестандартном контейнере, не были поставлены в известность ни капитан судна, ни члены команды. В накладных он значился как «Оборудование для пищевой промышленности», и затем шло длинное перечисление номенклатуры изделий. Сплошные аббревиатуры, цифровые обозначения, которые могут что-то сказать только специалисту.

На рассвете корабль вышел в море. Пунктом его конечного назначения стоял Мадагаскар. Каюта, в которой расположились полковник Хализин и майор Малиновский, смотрела дверным иллюминатором на палубу, как раз на то самое место, где оборудовали площадку для груза фирмы «Константин». Спали они по очереди, вместе их почти не видели. Но зато кто-нибудь один постоянно или сидел в кресле у открытой двери, или же прохаживался кругами по палубе.

Капитан корабля перед самым отплытием был срочно вызван в мрачное здание, в котором в бытность Калининграда Кенигсбергом располагалась СС. После того как в Восточной Пруссии появились русские, здесь разместился НКВД. А потом здание переходило по наследству от НКВД к МГБ, от него – к КГБ. И вот наконец это учреждение стало именоваться ФСБ-ФСК. Капитан гражданского судна, уже порядком отвыкший от нравов прошлых лет – тогда перед каждым рейсом он получал подробнейший инструктаж в КГБ – был несколько удивлен, когда ему без всяких объяснений предписали выполнять любое распоряжение представителя торгово-посреднической фирмы «Константин». После этого с него взяли расписку о неразглашении информации, хотя, собственно говоря, как раз информации-то он и не получил.

Времена теперь стояли другие, и капитану, работавшему в акционерном пароходстве, естественно, захотелось согласовать такое странное распоряжение с председателем правления. Но председатель лишь повторил то, что капитан услышал в ФСБ.

С самого момента отплытия полковник Хализин ничем не тревожил капитана, лишь каждое утро вежливо кивал, когда встречался с ним на палубе. А капитан старался не думать, что же такое может везти ФСК на Мадагаскар да еще под большим секретом. Вроде бы туда из России открыто продавалось даже оружие, и прятаться было не от кого.

Откуда ему было знать, что контейнеры, загруженные на «Смоленск», в отличие от всего остального груза, предназначены совсем не для Мадагаскара. Откуда ему было знать, что придется изменить маршрут, выполнив указания полковника Хализина. Да, времена теперь изменились, и капитану судна в голову не могло прийти, что для самофинансирования ФСК приходится заниматься коммерцией.

Хализин и сам с трудом верил в происходящее, хотя идея этой операции в общем-то принадлежала ему. Полковник, как и каждый служащий секретного ведомства, финансируемого государством, смотрел на мир и устройство собственной страны несколько иначе, чем прочие граждане. Он, как представитель ФСК, твердо был уверен, что капитализм России не подходит. Капитализм, считал Хализин, однажды уже сгубил Россию – в начале двадцатого века. Лишь только появился крупный частный капитал, в казне тут же стало хронически не хватать денег.

– То же самое происходит и теперь, – говорил он. – Ну скажите, в какие времена руководителям разведки правительство могло заявить, что у него нет денег на финансирование подобной структуры!

Да, в России по полгода не выплачивают зарплату, не начисляют пенсии. Но подразделение, в котором служил Хализин, было самым прибыльным предприятием из всей ФСК. Этот

отдел занимался промышленным шпионажем, и тут каждый доллар, вложенный в дело, мог обернуться миллионными прибылями.

Куда проще, а главное, дешевле, не производить разработки самим, а скупать краденые. На это нужны большие, на первый взгляд, деньги – для подкупа сотрудников западных фирм, владеющих технологическими секретами. Но эти деньги – копейки по сравнению с теми суммами, которые необходимо выложить правительству на научные исследования и испытания.

И вот на сегодняшний день несколько крупных операций находились под угрозой по той лишь причине, что ФСК не получала от правительства денег. Критичность момента понимали и в правительстве, но что они могли сделать? Не заложишь же в бюджет отдельной строкой деньги, необходимые для промышленного шпионажа! Госдума наверняка их не утвердит. Увы, даже депутаты, не говоря уже о простых людях, считают «бойцов невидимого фронта» дармоедами, способными только просаживать народные деньги. Именно эти статьи расходов всегда норовят урезать политики при обсуждении бюджета. Каждому хочется быть избранным на второй срок, и они, расталкивая друг друга, спешат записаться в народные заступники. Хотя многие из них, Хализин был уверен в этом, осознают, сколь губительны их действия.

Денег в бюджете не имелось и не предвиделось, а сворачивать начатую работу не хотелось, в нее уже были вложены и силы, и средства. И вот полгода тому назад неожиданно появилась возможность профинансировать программы промышленного шпионажа несколько необычным образом.

– Раз денег нет, значит, их нужно заработать, – предложили высшему начальству Хализина.

– ФСК – это не военная часть, где можно развести свиней и построить парники, – усмехнулся директор ФСК, а следом за ним возглавлявший проект генерал Разумовский, беседовавшие в одном из кремлевских кабинетов с его хозяином.

– Изыскивайте.

И, как ни удивительно, изыскать удалось. Есть вещи, которые всегда в цене – золото, драгоценные камни, редкие металлы и оружие. Все производимое современное оружие, конечно же, продавалось, и не дешево. Но отсосать деньги у оборонной промышленности не получалось. А тут как раз подвернулся довольно интересный вариант.

Под самый закат Советского Союза было изготовлено и размещено в западных военных округах более десятка зенитно-ракетных комплексов, превосходящих по своим показателям знаменитые американские «Пэтриот». Наверное, с размещением руководство СССР в лице ЦК КПСС поспешило, потому что все, что оказалось на территориях бывших советских республик, после распада Союза перешло в их собственность.

Шли годы, накапливались долги республиканских правительств российскому за энергоносители. И если раньше им еще худо-бедно, но удавалось рассчитываться с долгами по бартеру, то последние полгода Россия поставила жесткие условия: или твердая валюта, или перекрываем нефтепроводы.

И тут накануне президентских выборов в качестве рекламного трюка появилось предложение подписать с Беларусью нулевой вариант по задолженностям, погасить одни долги другими. И если официально политиками все было представлено таким образом, будто бы Россия ликвидирует долги Беларуси в обмен за давно уже вывезенное с ее территории ядерное оружие, то на самом деле расчеты производили несколько иным образом.

Сама идея нулевого варианта родилась не на голом месте и не только как рекламный трюк. После того как правительство России потребовало от своей западной соседки оплату в твердой валюте, из Минска тут же пришло встречное предложение: хотите валюту – можем вам ее предоставить. Пентагон согласен купить у нас вооружение – зенитно-ракетные комплексы. В результате сделки получаем валюту – сумма удивительным образом совпадала с цифрой долгов. Полученные деньги переведем в Россию. Но если хотите, можно поступить и по-другому.

К чему крупный политический скандал, взаимные обвинения в распродаже общих секретов, да еще в преддверии расширения НАТО на Восток? Вы тихо, не афишируя, получаете свои же комплексы в полное распоряжение, американцы не получают ничего, а на экранах телевизоров и в газетах, как раз перед президентскими выборами, проходит шумная кампания по поводу взаимного списания долгов президентами братских стран. Этакая широта славянских душ, способных за красивые глаза простить друг другу все, что угодно, даже суммы, зашкаливающие за миллиард долларов.

Особая ценность этого проекта заключалась в том, что и Госдума шла на утверждение нулевого варианта, ведь ей самой хотелось заработать очки в интеграционной политике. Мышиная возня политиков интересовала руководство спецслужб в последнюю очередь, им при любом правительстве находилась работа, но подкупало то, что в результате зенитно-ракетные комплексы оказывались как бы бесхозными.

Тогда-то полковник Хализин, занимавшийся обеспечением подписания секретного протокола по передаче оружия от Беларуси к России, и подбросил идею, попавшую на благодатную почву, – генерал Разумовский ухватился за нее обеими руками. Несколько комплексов правительство передает в полное распоряжение спецслужб и разрешает продать их, неофициально, разумеется, одной из стран, с которыми Россия не собирается воевать ни при каких условиях, – желательно той, что не ведет сейчас активных боевых действий. В таком случае наличие у нее современного оружия обнаружится не скоро. Расчет предполагалось произвести наличными, в долларах, чтобы неучтенное оружие не превратилось в учтенные деньги.

Подразделению, в котором служил полковник Хализин, для выполнения задания требовались именно наличные деньги. Расчеты с инженерами и учеными, крадущими технологические секреты своих фирм, можно производить только наличностью. После нескольких крупных провалов в США осталось мало желающих прибегать к услугам пластиковых карточек и номерных счетов. Разрешение на сделку было получено, руководство операцией возложили на генерала Разумовского, а непосредственным исполнителем стал автор идеи – полковник Хализин.

И вот теперь контейнеровоз «Смоленск» увозил на своем борту четыре зенитно-ракетных комплекса. Покупатель, естественно, уже был об этом оповещен, место передачи груза оговорено. В суть дела посвятили очень узкий круг лиц. Главное было незаметно провести саму сделку. Если потом наличие комплекса у Ирака перестанет быть тайной для США, то найти продавцов будет почти невозможно: такие же установки имелись у нескольких республик бывшего СССР, в Восточной Германии, в Польше и в Словакии.

В первые дни путешествия ни Хализин, ни Малиновский не доставляли капитану контейнеровоза «Смоленск» никаких хлопот, если не считать того пристального внимания, которое они уделяли своему грузу. Во время дежурств они ревностно следили за тем, чтобы никто не подходил к контейнерам. Но вскоре к этому привыкли, и груз, а также его экспедиторы стали неотъемлемой частью корабельной жизни. Судно в соответствии с графиком движения проходило милю за милей, огибая Европу с западной стороны, приближаясь к побережью Африки.

И вот когда «Смоленск» уже готов был зайти в Гибралтар – до этого момента оставалось несколько часов, – в капитанской каюте появился полковник Хализин. Он был как всегда подтянут и, несмотря на то, что на корабле было бы удобнее ходить в свитере и джинсах, на нем чернел строгий костюм, белела рубашка, голубел галстук.

– Присаживайтесь, Арнольд Витальевич, – предложил капитан гостю, чувствуя по взгляду Хализина, что тот сейчас скажет нечто важное.

Полковник сел за небольшой столик в тесной каюте и спокойно, словно речь шла о вчерашней метеосводке, сказал:

– Дальше корабль пойдет вдоль западного побережья Африки.

– Простите... – начал было капитан, но вспомнил разговор, который произошел у него с руководством спецслужб в Калининграде.

– Вдоль западного побережья Африки. Или я неясно излагаю?

– В общем-то, я понял, – растерянно отвечал капитан, – но маршрут следования... порт прибытия...

– Порт остается прежним. Изменяется лишь маршрут.

Капитан заподозрил, что изменения на этом не кончатся, скорее всего последует еще одна корректировка и по дороге придется зайти в порт, который не значится в их документах.

– Подтверждение изменению курса вы получите радиограммой, – сказал Хализин и как старший младшему подал руку на прощание, хотя, войдя в каюту, рукопожатиями с капитаном не обменивался.

Капитан «Смоленска», оставшись в одиночестве, несколько минут сидел за столиком не шевелясь и слегка дрожащими пальцами перебирая бумаги. Если до этого разговора Хализин казался ему немного забавным, то теперь стало ясно, что Хализин – это танк, для которого не существует препятствий. Достаточно было вспомнить тон, которым он разговаривал с капитаном – с человеком, от которого на судне зависит все.

Включилась громкая связь. Радист передавал, что получена радиограмма насчет изменения курса. В его голосе чувствовались такие же растерянность и недоумение, какие царили в душе у капитана. И капитан вышел из каюты, чтобы отдать необходимые распоряжения.

Как он и предполагал, новые сюрпризы не заставили себя ждать. Всего лишь несколько дней плавание продолжалось в спокойном, размеренном ритме. И вот вновь полковник Хализин возник на пороге каюты капитана. Тот уже был готов к чему угодно. От ближайшего порта «Смоленск» отделяли пять часов хода. На лице Хализина появилась неприятная улыбка – так улыбается человек, знающий, что собеседнику нечего противопоставить любому предложению и даже фразе, сказанная шепотом, станет для него приказом.

– Сейчас, капитан, вы передадите в Такоради, что у вас произошло смещение груза, и попросите разрешения стать на рейде в порту.

– Это все? – спросил капитан.

– Нет, – ухмыльнулся Хализин, – еще вы попросите, чтобы вам прислали плавучий кран.

– Для чего?

– Неужели непонятно? Чтобы привести смещенный груз в порядок.

– Но груз же на месте!

– Если вас беспокоит использование крана, то я возьмусь руководить им.

Когда по команде капитана корабль изменил курс на Такоради, Хализин уже не сходил с палубы. Он всматривался в горизонт, как всматривается каждый мореплаватель, надеющийся увидеть землю. Но первыми на горизонте показались не земля, а корабли, стоящие на рейде.

Теперь рядом с Хализиным оказался и Малиновский. Они о чем-то переговаривались, указывали на корабли. Прошло еще около часа, прежде чем контейнеровоз бросил якорь. Плавучий кран обещали прислать ближе к ночи. На «Смоленске» воцарилось ожидание. Никто не знал, что происходит, помощники донимали капитана, но он сам не понимал ровным счетом ничего. Не мог же он отправлять их на консультацию к Хализину! Неподалеку от «Смоленска» бросил якорь и другой контейнеровоз под флагом Мадагаскара. После чего Хализин с Малиновским заметно оживились, лица их просветлели, и можно было догадаться, что все идет так, как предусмотрено.

На палубе мадагаскарского корабля появились трое людей, одетых в белые костюмы. Они стояли, облокотившись на поручни, и смотрели на офицеров ФСК как на хороших давних знакомых. Хватило всего лишь нескольких условных знаков, чтобы они отлично поняли друг друга.

Наконец красный диск солнца закатился за горизонт. Воздух наполнился прохладой, такой желанной и успокаивающей. Из порта по радию передали, что плавучий кран подойдет к «Смоленску» через полтора часа. Темнота обрушилась почти мгновенно. В небе вспыхнули огромные, кажущиеся очень близкими звезды, а со стороны материка уже светил огнями плавучий кран. Он двигался медленно, и заметить это движение можно было, только отведя на некоторое время взгляд. Если же смотреть не отрываясь, то казалось, кран застыл на месте, чуть покачиваясь на небольших волнах.

Полковник Хализин нервно прохаживался по палубе, заложив за спину руки. Он щелкал суставами пальцев, даже не пытаясь скрыть свое нетерпение. Малиновский же тем временем занимался делом – проверял сохранность пломб на контейнерах. С нетерпением ждали прибытия плавучего крана и на корабле под мадагаскарским флагом. На ярко освещенной палубе можно было увидеть человека с военной выправкой, сжимавшего в руках мощный бинокль. Судя по внешности, этот человек был выходцем с Ближнего Востока.

Плавучий кран остановился, ожидая, когда к нему подплывет лодка со «Смоленска».

– Спустите шлюпку, – негромко приказал полковник капитану.

– Шлюпку на воду с правого борта! – распорядился капитан.

– Вы поплывете со мной, – сказал Хализин.

Малиновский остался на палубе возле контейнеров.

Хализин даже не дождался, когда лодку за брошенные с крана концы подтянут вплотную, а просто перепрыгнул на борт крана и тут же полез по металлической лесенке наверх – туда, где располагалась кабина крановщика. Капитан в растерянности остался стоять на палубе, не зная, следовать ли ему за Хализиным или же ожидать его возвращения.

Полковник, оказавшись в кабине, начал объяснять крановщику, что от него требуется. Негр, проработавший в порту не один год, согласно кивал головой и ослепительно улыбался.

Минут через десять к плавучему крану подошла шлюпка и с мадагаскарского судна. Человек в белом костюме с военной выправкой остановился неподалеку от капитана «Смоленска» и, закинув голову, посмотрел на освещенную изнутри кабинку крановщика. Хализин приветственно махнул ему рукой и, убедившись, что крановщик все правильно понял, зашепшил вниз. Проходя мимо капитана, он негромко произнес:

– Я бы хотел побеседовать с коллегой на важную тему один на один. Возвращайтесь на судно.

Капитан повиновался.

...Через несколько часов контейнеры благополучно перекочевали со «Смоленска» к мадагаскарцам.

О том, что к приему груза на их контейнеровозе готовились заранее, еще до выхода корабля из порта, говорило то, что площадка на его палубе один к одному повторяла площадку на «Смоленске». Все то время, пока шли такелажные работы, Хализин и офицер иракских спецслужб провели на палубе крана. На лице Хализина сияла радостная улыбка. Основную часть своей работы он сделал, и теперь вся ответственность перекладывалась на его иракского коллегу, которому предстояло сопровождать груз дальше.

– Никаких изменений? – спросил Хализин на вымученном английском.

Офицер кивнул головой.

– Нет, все пройдет точно так, как мы договаривались. Встречать наш транспорт в Калининграде приедете вы?

– Скорее всего да, если ничего не изменится.

Плавучий кран направился в порт. Хализин вернулся на «Смоленск». Возле трапа его уже ожидал Малиновский с собранными вещами – своими и полковника. Капитан не скрывал удивления. Черт их разберет, этих чекистов, и все их интриги!..

– Ну что ж, будем прощаться, – протянул руку Хализин.

– Вы покидаете борт?

– Да, больше мне здесь делать нечего.

Капитан вздохнул с облегчением. Значит, больше не будет никаких сюрпризов, он вновь станет полновластным хозяином на судне.

Сотрудники ФСК спустились по трапу в шлюпку, и та, чертя на ночной воде белый пенный след, понеслась к мадагаскарскому судну. И стоило лишь Хализину с Малиновским подняться на борт, как загремела якорная цепь и корабль, медленно развернувшись, стал уходить с рейда.

Проверка груза у иракцев не заняла много времени. Русские офицеры спешили, ведь контейнеровоз уходил в открытый океан.

– Не беспокойтесь, – одарил Хализина маслянистой улыбкой один из иракских офицеров, – все рассчитано по минутам, в Такоради мы успеем вовремя.

Через четверть часа полковник Хализин, майор Малиновский и иракский офицер в легкой моторной лодке приближались к берегу. Вскоре лишь несколько маленьких огоньков на горизонте напоминали о произошедшем на рейде.

Обогнав плавучий кран, лодка вошла в порт. Все трое выбрались на причал, где их уже ожидала машина. Она проследовала по ночному городу к торговому представительству, над которым красовался российский флаг. Гостей здесь ждали. Небольшой уютный зальчик, стол с изысканной закуской, немного выпивки. Возле дверей расположилась охрана.

– Не бойтесь, здесь стены не имеют ушей, – улыбнулся Хализин, предлагая иракцу присесть.

Иракец благодарно кивнул и опустился в мягкое кожаное кресло.

– Наша часть договора выполнена, – полковник взял бутылку с холодной минеральной водой и разлил в три высоких стакана. – Теперь очередь за вами.

– Вот график прихода нашего транспорта, – иракский офицер протянул Хализину распечатку. – Деньги мы передадим, как и договаривались, партиями.

– Только не затягивайте, – предупредил Хализин.

– Но и нам надо убедиться, что товар получен кондиционный.

– На нас еще никто не жаловался.

Малиновский все время хранил молчание, пристально следя за иракцем, словно являлся телохранителем полковника. Такое внимание не нравилось гостю. Он ерзал, будто ему на сиденье кресла подложили канцелярскую кнопку. Бумага с расписанием прибытия кораблей в порт Калининграда и именами тех, к кому должен был обратиться Хализин за получением денег, исчезла в кармане полковника.

– А теперь можно немного расслабиться, – предложил он, беря в руки бутылку с вином и наполняя два бокала – Малиновского он обошел вниманием.

Еще около двадцати минут длилась беседа, выяснялись последние детали сделки. Но этот разговор уже не носил принципиального характера, два профессионала выясняли понятные только им двоим технические подробности проведения акции.

– Надеюсь, еще встретимся, – на прощание сказал полковник Хализин.

– К сожалению, нет: в Калининград придут другие люди.

Малиновский, так и не проронивший за все время ни слова, резко поднялся, пожал на прощание иракцу руку и вышел из зала.

Вскоре вертолет уносил восточного гостя, идя вдогонку за судном, на котором покоились упакованные в контейнеры зенитно-ракетные комплексы. А еще через два часа полковник Хализин с майором Малиновским поднимались на трап самолета, следовавшего из Такоради во Франкфурт. Оттуда как раз имелся прямой утренний рейс до Москвы. Так что ожидать в Германии самолета, следующего на родину, им пришлось не более часа.

Генерал Разумовский получил от полковника Хализина из Такоради подтверждение тому, что груз передан из рук в руки и имеется конкретная договоренность насчет сроков передачи денег. Но беспокойно было на душе у генерала ФСК. Он все ближе и ближе подходил к той черте, за которой уже нельзя остановиться. Он прекрасно понимал, что гибель людей, имеющих отношение к изготовлению фальшивых денег, представить в виде несчастных случаев сложно, даже если исчезнут и исполнители убийства.

Расследованием займутся милиция и прокуратура – но это лишь цветочки. Ядовитые ягодки появятся тогда, когда к делу подключится ведомство, в котором он служит.

«Главное сейчас – выиграть время! – думал генерал Разумовский, чувствуя, что сегодняшней ночью ему не уснуть. Сна не было ни в одном глазу. – Значит, Калининград, значит, деньги придут морем. Я этого и добивался, так оно спокойнее. Только бы кто-нибудь не всунул нос в мои дела раньше времени!»

Пока он действовал почти безоглядно, зная, что сила на его стороне – государство, всецело доверяющее ему, осуществляет прикрытие. До завершения операции он имел право никому не отчитываться в своих поступках. Хорошее право, ускоряющее продвижение дела вперед лишь в том случае, если человек, которому его поручили, кристально чист перед самим собой и перед людьми. А сказать так о генерале Разумовском нельзя было даже с большой натяжкой.

Глава 4

Старинные напольные куранты, прекрасно отреставрированные, звонко отбили семь ударов. Часы смолкли, но звук еще долго вибрировал в сумраке квартиры. Шторы на всех окнах были плотно сдвинуты. Но, даже если бы хитрый механизм часов и не сработал, хозяин квартиры, Иосиф Михайлович Домбровский, знал наверняка: уже наступило утро и окончилась ночь, наполненная тяжелыми, изнуряющими, рвущими душу на части сновидениями.

Вот уже где-то около года неизменно каждую ночь он видел во сне свою жену, которая умерла полтора года тому назад. Иосиф Михайлович Домбровский считал, что он покинет этот мир раньше, но, наверное, Богу угодно было поступить именно так и оставить старика почти в полном одиночестве. Дочка Софьи Андреевны и Иосифа Михайловича жила в Риге, еще в советские времена она удачно вышла замуж за полковника КГБ, латыша. Жилось им в Латвии хорошо и тогда и теперь. Сын уже давно обрелся в Питере. Дети напоминали о себе телефонными звонками и раз в полгода, иногда чаще – шумными визитами, приезжая на недельку с собственными детишками.

Софья Андреевна не дожила до своего шестидесятилетия всего три дня. Она скончалась абсолютно внезапно, никто и предположить не мог... Сидела в мягком кожаном кресле перед телевизором с тетрадкой в руке, куда мелким убористым почерком заносила предстоящие расходы по юбилею. Вдруг тетрадка, зашелестев страницами, выпала из ее рук, а ручка, блеснув золоченым колпачком, покатилась по ковру под комод.

– Что с тобой, дорогая? – спросил у жены Иосиф Михайлович, не поднимаясь с дивана.

Он подумал, что Софья Андреевна уснула. В последнее время с ней это случалось довольно часто. Устанет за день, присядет у телевизора, укутав ноги пледом, пригрется и уснет незаметно. Иосиф Михайлович даже подтрунивал над супругой: «Наверное, родители не зря дали тебе имя Соня. Вот ты опять уснула и даже не заметила, как я выключил телевизор».

Иосиф Михайлович и в тот злополучный вечер решил разыграть жену, он рассчитывал, что, пока она спит, он спрячет ее тетрадь и не скажет, куда делась ручка. А признаваться в том, что она уснула, Софья Андреевна, конечно же, не захочет. Она всегда упорно отрицала это, спорила с мужем: «Да ничего я не спала, Иосиф! Что ты выдумал! Я просто немного вздремнула. Закрела глаза и тут же их открыла. А ты выдумываешь всякую ерунду и рассказываешь небылицы».

Но тогда Софья Андреевна так и не проснулась. Подойдя к супруге, Иосиф Михайлович коснулся ее плеча. Рука Софьи Андреевны, сверкнув тонким колючим безымянным пальцем, как кукольная повисла над полом. Иосиф Михайлович хотел положить руку жены на плед и тут ощутил пронзительный холод, исходящий от ее ладони.

– Соня! Соня! – в испуге воскликнул Иосиф Михайлович, чувствуя, как спазм сжимает горло. – Да проснись же! Что с тобой?!

Он несильно потрянул жену за плечи, потом, обмирая, разжал ее пальцы и, опустившись на колени, приложил ухо к ее груди. Сердце не билось.

«Боже, да она же умерла!» – с ужасом понял Домбровский.

Дальше он действовал лишь по инерции, в каком-то беспамятстве. Вызвал «Скорую помощь». Когда приехали врачи и с шумом вошли в квартиру, он сразу же в прихожей принялся объяснять, что с женой что-то неладно, что она уснула и не хочет просыпаться. Врач странно посмотрел на высокого седого мужчину, суевающегося и бестолково размахивающего руками с длинными узловатыми пальцами, затем подошел к креслу, приподнял веко Софьи Андреевны, отметил, что у нее большие, неподвижные, не реагирующие на яркий свет зрачки, и, не меняя выражения лица, заглянул в глаза Иосифа Михайловича и абсолютно бесстрастным голосом сообщил:

– Она уже была мертва, когда вы звонили нам! Зачем вы нас вызывали? У нас работы вот так, – он приложил ладонь к горлу.

– Как... умерла?

– Умерла. Как ни прискорбно, но это так. Иногда случается...

– Почему умерла?! – все еще не веря в происшедшее, пролепетал старик.

– Как все люди. Жила, жила и умерла. Как умру я, умрете вы, умрет вот она, – с чисто профессиональным цинизмом сказал врач и кивнул на молоденькую медсестру. – Понапрасну вы нас побеспокоили.

– А что я, по-вашему, должен был делать? Первая мысль... «скорая помощь»...

– Отыскали бы лечащего врача, сообщили бы ему.

– А потом?

– Ну, уж я не знаю. Для начала ее следовало бы переложить куда-нибудь, – врач, сверкнув стеклами очков, взглянул на потертый кожаный диван, на котором еще совсем недавно сидел сам Иосиф Михайлович.

– Да, да. Ее надо положить на диван, – сказал мгновенно постаревший на несколько лет Иосиф Михайлович, – и обязательно укрыть пледом.

– А вот этого как раз делать и не надо, я имею в виду плед, – сухо улыбнулся врач, – ей уже все равно, она не ощущает ни тепла, ни холода. Только окно не открывайте, – он хотел было объяснить, что из-за сквозняка мертвое тело может искривить, но не решился, спросив вместо этого: – Она была вашей женой?

– Почему была? Жена, она и после смерти жена... – через силу выговорил Домбровский.

И тут его начали душить рыдания, по морщинистым щекам хлынули потоки слез. Губы кривились в безумной улыбке. Домбровский плакал, не стесняясь, размазывал, как ребенок, слезы по лицу и вытирал влажные руки о седые волосы.

– Послезавтра юбилей, послезавтра юбилей... – давась слезами, бормотал Домбровский. – Ей исполнится всего лишь шестьдесят, как же так?!

Врач попросил медсестру позвонить в дверь напротив, после чего в квартире появились соседи по площадке, а Домбровский продолжал сидеть в углу дивана на том же самом месте, где сидел полчаса назад, потерянный, безучастный ко всему и ко всем, полностью ушедший в свое горе.

Лишь изредка он шептал, точно в бреду:

– Я старик, глубокий старик, а Соня такая молодая... Совсем молодая... И зачем только она это сделала?

Что у Софьи Андреевны большое сердце, знал весь подъезд. Знал и Иосиф Михайлович. Но ведь много пожилых людей с большим сердцем, и тем не менее они живут. А его Софьи Андреевны не стало...

Из-за того, что во сне он постоянно видел одну и ту же сцену, Иосиф Михайлович невзлюбил ночь и ложился теперь спать на рассвете, часов в пять, когда город только начинал просыпаться. И еще он спал днем, но не в спальне, а в большой гостиной, на старом продавленном диване. А когда он спал, накрыв ноги пледом и сложив руки на груди, он ужасающе был похож на покойника. Его лицо и без того было сухим, а во сне все черты заострились, крючковатый нос казался еще более громоздким, щеки западали, бледнела кожа, белесые ресницы не вздрагивали, а грудь почти не вздымалась. Просыпался он, как правило, оттого, что его правая рука, лежавшая на груди, произвольно сползала и падала плетью, касаясь ковра, а затем затекала, становилась тяжелой и начинала болеть.

– Правая рука – кормящая рука, – любил говорить старик Домбровский, имея в виду то, что его правая рука всегда крепко держала штихель, – ремеслом гравера зарабатывал Иосиф Михайлович деньги им с Софьей Андреевной на безбедную жизнь.

Да, рука Иосифа Михайловича по-прежнему не подводила, и не только рука, но и глаз. Несмотря на то что Домбровскому было уже семьдесят лет, он не носил очки, хотя иногда и приходилось отводить газету далеко от лица, чтобы прочесть мелкий шрифт.

Всю свою сознательную жизнь Иосиф Михайлович Домбровский занимался только одним делом – кропотливым, неспешным и мало кому доступным. Бог дал ему уникальный талант – в своей профессии Домбровский был непревзойденным мастером.

Иосиф Михайлович поднялся с кровати, сунул ноги в тапки и в пижаме прошелся по квартире, отдергивая на окнах шторы и жмурясь при этом от яркого света. Войдя в кухню, он поставил на плиту чайник и стоял, глядя на голубоватый огонь горелки до тех пор, пока вода не закипела.

– Ну вот, все хорошо, все как всегда. Спокойно и пусто... Если бы только не сны!

Он заварил крепкий-крепкий чай, достал из холодильника бутылку водки, уже початую, налил себе стограммовую рюмку и выпил – выпил так, как люди пьют лекарство, невкусное, но необходимое. Затем подхватил на вилку кусочек хлеба, макнул его в солонку и, хрустя кристалликами соли, сжевал. Ему стало легче на сердце – как всегда после рюмки крепкого спиртного, лицо порозовело.

Он знал, что и сегодня, как происходило вот уже на протяжении года, он обязательно к вечеру напьется. Но не до такого состояния, когда перестают соображать и теряют человеческий облик, – нет, до такого состояния старик Домбровский никогда не напивался. За день он выпивал бутылку водки, но пил медленно, небольшими дозами, добавляя ровно столько, насколько успевал протрезветь.

Потом он пошел умываться. Умывшись, надел белую рубашку, безупречно отутюженные брюки со стрелками – такие стрелки может сделать только мужчина; и никакая, самая умелая, самая заботливая жена не достигнет такого совершенства – в этом Иосиф Михайлович был глубоко убежден. И лишь после этого он принялся за чай.

С чашкой в руке он прошелся по квартире, взглянул на офорты на стенах, обклеенных несколько аляповатыми обоями. Эти обои он не менял и не собирался менять, поскольку с Софьей Андреевной незадолго до ее смерти они договорились, что сразу после юбилея приведут квартиру в порядок, паркет покроют лаком, потолки побелят, а обои поменяют. И старик Домбровский в память о жене все оставил так, как было, превратив свое существование в четко регламентированный ритуал, в котором просто запрещено что-то менять, даже под самым разумным предлогом.

Вот и сейчас шаркающей стариковской походкой он шел вдоль стены, скользя взглядом по офортам. Два офорта изображали Санкт-Петербург с Петропавловской крепостью, с Исаакиевским собором. Эти очень тонкие работы Иосиф Михайлович сделал не на продажу, а в подарок жене. Ведь Софья Андреевна была родом из Питера, там они и познакомились. Еще три офорта в одинаковых темно-коричневых дубовых рамках повторяли работы известного итальянца Джованни Баттиста Пиранези. Только крупный специалист, настоящий знаток и ценитель мог определить, что это копии.

В прежние времена Иосиф Михайлович, стоя перед офортами, подмигнув Софье Андреевне, любил говаривать: «Знаешь, Соня, думаю, если бы Пиранези, этот сумасшедший мастер, оказался в Москве в нашей с тобой квартире и посмотрел бы на мои офорты, он наверняка спросил бы: „Послушайте, почтенные Иосиф Михайлович и Софья Андреевна, а как мои работы попали к вам? Я же никогда не был в Москве!“» На что жена отвечала: «Неужели ты, Иосиф, думаешь, что он действительно так сказал бы и не отличил твоей руки от своей?» – «Конечно, отличил бы, дорогая, но не сразу. Если бы он взял увеличительное стекло и стал внимательно разглядывать штрихи – тогда да. А вот если бы он сел на диван или в твое любимое кресло да смотрел бы с расстояния двух-трех метров, то до конца жизни для Джованни

Баттиста Пиранези оставалось бы загадкой, как его работы попали в Москву и почему бумага офортов почти белая».

После того как на дне чашки остался лишь густой слой крупных чаинок, Иосиф Михайлович почувствовал, что наконец-то «созрел» и может теперь съесть что-нибудь посолиднее кусочка черного подсолненного хлеба. Это он и сделал.

Два яйца всмятку, два бутерброда с тонким слоем масла, густо посоленным, и полрюмки водки – вот и весь завтрак – как обычно, как предписывал ритуал. Яйца иногда менялись на шпроты, шпроты – на холодные котлеты, купленные в соседней кулинарии. В общем-то старику Домбровскому было по большому счету все равно чем питаться. Он знал, что теперь часов до четырех дня есть ему не захочется. А вот в четыре он может себе позволить выпить еще две рюмки водки и съесть большую тарелку обжигающе горячего супа, а на второе – что-нибудь из кулинарии – курицу, рыбу или блинчики с мясом.

После завтрака Иосиф Михайлович тщательно причесался перед большим зеркалом в витой раме, прицепил бабочку, подняв ворот рубашки. Надел пиджак и оглядел себя в зеркале. Он не опустил после смерти жены, хотя этого и опасались соседи, а наоборот, стал еще больше следить за своей внешностью. Он всегда выходил из дому гладко выбритым, прическа уложена волосок к волоску, на пиджаке ни одной пылинки. О брюках и ботинках и говорить не приходилось – идеальные стрелки, идеальный блеск. Даже концы шнурков были одинаковой длины, с одинаковыми непогнутыми жестяными наконечниками – они вызывали подозрение, что отлиты из серебра. Из кармана пиджака неизменно торчал уголок накрахмаленного носового платка. Во всем, что касалось одежды, Иосиф Михайлович Домбровский был и оставался педантом.

Но еще большим педантом он был в работе. Однако после смерти жены он оставил работу. У него просто не лежали к ней руки. А граверу, если его рука вялая, неразогретая и мертвая, лучше за инструмент не браться. Домбровский это знал. Он смирился с тем, что вышел на пенсию, смирился с тем, что к нему никто не ходит, вернее, он сам никого не принимает и не желает видеть. Для мастера же признание – одна из основных форм существования, и тешил старик свое самолюбие созерцанием собственных работ. Иногда вытаскивал из шкафа большую папку, клал ее на стол, стирал пыль, развязывал шнурки и принимался разглядывать офорты, время от времени скептически морща нос и кривя губы.

«А вот здесь, Иосиф, рука у тебя дрогнула, а ты поленился исправить. Эх ты, лентяй... А еще считал себя лучшим гравером».

Он брал одно из увеличительных стекол, которых у него имелся целый набор, зажигал свет, направлял луч настольной лампы на немного пожелтевший лист бумаги, подносил увеличительное стекло и недовольно покашливал.

«Если бы этот завиток увидел Гюстав Доре, он бы долго смеялся: „И как это так я здесь промахнулся!“».

Естественно, для всех возможных зрителей этот офорт оставался шедевром, безукоризненно выполненной копией, тем более не отличимой от оригинала, что выполнена она была с нарушением основного закона копировальщика – один к одному по размерам.

«Я имел на это право. Я хотел доказать, что могу сделать и так. Эти работы – целое состояние. Мало, наверное, существует экспертов, способных отличить мою подделку от копии. Ведь они посчитают, что это один из оттисков, собственноручно отпечатанных с листа меди мастером».

Лежали в его папке и копии Рембрандта. На первый взгляд, безупречные, и лишь сам Иосиф Михайлович Домбровский знал, где в них изъян. Но то, что знал и видел Домбровский, для всех остальных было недоступно.

Надев плащ и шляпу, Иосиф Михайлович с тростью, украшенной посеребренным набалдашником, в элегантном кашне, похожий на некогда преуспевавшего артиста, покинул свою

квартиру. Лифт свез его с четвертого этажа вниз. Он сдержанно кивнул двум соседкам по подъезду, которые с одинаковыми колясками прогуливались во дворе, и неторопливо направился в большой магазин, где размещался пункт обмена валют.

Он поглядывал по сторонам на спешащих прохожих и не узнавал город, хотя видел его каждый день, но что сделаешь с памятью, если она запечатлела то, от чего ты не в силах отвыкнуть, отказаться?.. Все стало каким-то не таким, как раньше; хотя видимых следов разрушения прежней Москвы не было заметно, все теперь выглядело слишком пестрым, вычурно ярким, суетным. И лишь один он выделялся из толпы своей холодностью, замкнутостью и невероятным спокойствием. Он шел, старательно обходя лужи, неспешный и величавый. Ему почему-то предупредительно уступили дорогу, и это нравилось старику Домбровскому, ведь, как правило, дорогу уступают либо очень важным людям, либо очень пьяным.

«А так как пьяным меня не назовешь, значит, я важный», – рассуждал Иосиф Михайлович, постукивая тростью по асфальту.

Он поднялся по широким ступеням в магазин и встал в очередь у окошка обменного пункта. Молодой спекулянт-валютчик подумал, что Домбровский, возможно, иностранец, и, подмигнув, зазывно улыбнулся и зашуршал толстой пачкой крупных российских купюр, дескать, не продадите ли доллары напрямую, из руки в руки. В короткой очереди тихо спорили о политике, без особой охоты ссорились. Стоящий первым пожилой мужчина, согнувшийся перед окошечком так, чтобы оператор могла видеть его лицо, пререкался с нею – он не хотел брать немного помятую и чуть надорванную столдолларовую купюру, убеждая кассиршу, что ему необходимо отдать долг, а брал он новую и хрустящую банкноту. Кассирша бесстрастно сказала:

– Нужна новая – станьте рядом с очередью. Может, кто-то сдаст, тогда ее и купите.

– Но я спешу!

– Чем быстрее вы отойдете, тем больше шансов, что у меня окажется новая бумажка.

Само идиотское слово «бумажка» подействовало на привередливого старика, он отступил в сторону, и ему повезло. Следом за ним стоял толстяк с лицом, на котором было написано презрение ко всем, кто покупает доллары, он-то их сдавал, сразу тысячу, сотками.

Когда очередь дошла до Иосифа Михайловича, он немного наклонил голову к левому плечу, приподнял край шляпы и любезно обратился к оператору – миловидной девушке с неестественно яркими губами:

– Будьте добры, мне нужно пятьсот долларов, – он вытащил из кармана большое кожаное портмоне, положил у окошка пачку абсолютно новых денег в банковской упаковке.

– У меня, гражданин, – неуверенно сказала кассирша, по-видимому, опасаясь, что все старики привередливы и сварливы, – не очень хорошие деньги. Лишь два стольника новые, а три старого образца.

Иосиф Михайлович пожал плечами.

– Мне все равно. Денег плохих и хороших не бывает, они или есть, или нет.

Деньги Иосифа Михайловича переключали в руки кассирши. Она с хрустом разорвала упаковку, пачку денег положила в счетную машинку, нажала кнопку, и купюры с легким шелестом посыпались сверху вниз. Машинка замерла, когда на экранчике высветились цифры: «100».

– Не доверяете мне? – улыбнулся Домбровский.

Девушка улыбнулась в ответ:

– Доверяя – проверяй.

– Мне нет смысла вас обманывать.

– Бывает, купюры слипаются из-за невысохшей краски, особенно новые.

– Бывает, – тоном знатока ответил Иосиф Михайлович.

– Вот, посмотрите, возьмете такие? – кассирша веером положила перед Иосифом Михайловичем пять стодолларовых банкнот.

Тонкие пальцы старика Домбровского с ухоженными желтоватыми ногтями прошлись по деньгам. Пальцы двигались справа налево, и лишь в какой-то момент на стодолларовой банкноте старого образца, не помятой, даже не переложенной пополам, они дрогнули, в глазах появилось странное выражение, губы Домбровского шевельнулись.

– Что-то не так? – спросила девушка, и, поскольку Домбровский несколько мгновений медлил с ответом, будто раздумывал, сообщать о тайне, известной только ему одному, или промолчать, она добавила: – Эти деньги проверены. Хотите, прямо сейчас могу проверить повторно при вас?

– Да, проверьте, пожалуйста. Я старый человек, плохо в этих деньгах понимаю. Знаете, любезная, старость – не радость.

– Да, да, пожалуйста.

Девушка закладывала по очереди купюры в детектор, тот отзывался электронным писком. А затем, вооружившись лупой, оператор принялась рассматривать надписи, изображения и цифры номиналов на деньгах.

– Нет, хорошие деньги. Правда, вот эта немного надорвана.

– Меня это не волнует.

– Вы берете их?

– Если вы говорите, что они настоящие...

– Я это знаю, при вас же проверила.

– Значит, если я принесу вам эти деньги назад, вы у меня их возьмете?

– Обязательно.

– И старого образца, и нового?

– И те и другие.

– Спасибо.

Было заметно, что кассирше порядком надоели все эти процедуры, и она нетерпеливо повторила свой вопрос:

– Так берете или нет?

Глаза старика Домбровского были прикрыты, пальцы поглаживали стодолларовую банкноту – старого образца, – и та отзывалась приятным хрустом. Девушка взглянула на лицо старика и поняла, что он явно доволен. Блаженством сияло его лицо, улыбка струилась на тонких губах, а на щеках даже выступил легкий румянец.

– Вы будете, наконец, брать? – послышался бас за спиной Домбровского, это говорил небритый мужчина в кожанке, пахнущей дождем.

– Да-да, беру. Спасибо большое, любезная.

– И сдачу не забудьте.

Девушка выдала сдачу и справку о купле-продаже валюты, которую Иосиф Михайлович сложил пополам и опустил в карман плаща, чтобы затем выбросить в мусорницу. Он любил аккуратность и не прощал беспорядка ни себе, ни другим.

Доллары Иосиф Михайлович сложил в ставшее плоским портмоне, спрятал его во внутренний карман пиджака и, застегнувшись на все пуговицы, пошел к выходу. Ему, если бы он решил придерживаться ритуала, еще нужно было зайти в булочную и кулинарию, а потом, купив газету, можно было направляться домой. Но на этот раз старик Домбровский решил нарушить устоявшийся график своего движения по улице.

«Кулинария, булочная, газетный киоск – все это потом. А сейчас домой! Домой как можно скорее!»

– Этого просто не может быть! – бормотал Иосиф Михайлович.

Сейчас он утратил респектабельность, стал суетлив, как бы даже неуверен в себе. Его движения сделались нечеткими. Он шлепал по лужам, натыкался на прохожих и не извинялся, а лишь бросал вдогонку:

– Повнимательнее быть надо!

И все время ощущал вес кожаного бумажника, который давил на сердце, как могильный камень.

«Скорее! Скорее!»

Он нарушил правила уличного движения, пересек улицу на красный свет, чего не допускал никогда прежде. Войдя в подъезд, Домбровский чертыхнулся: лифт стоял где-то наверху.

«Ну и бог с ним!»

Трость звонко застучала по ступенькам, помогая своему хозяину как можно быстрее подняться к двери квартиры. Ключи как назло путались в связке и даже выпали из рук.

– Черт подери! – буркнул Домбровский, вставляя ключ в замочную скважину и с хрустом проворачивая его в сердцевине замка.

«Ну и разволновался же я! Сейчас прямо в одежде выпью рюмку водки, иначе схватит сердце».

Он тщательно замкнул за собой дверь, второпях, не глядя, повесил шляпу на рожек вешалки, сразу направился на кухню и вытащил из холодильника бутылку. Рюмка с остатками водки на доньшке так и стояла на столе. Зачем после водки, если к тому же пьешь ее один, мыть рюмки? И Иосиф Михайлович свою стограммовую рюмку с красной каемочкой мыл раз в неделю, зато до ослепительного блеска.

Он чувствовал, что его руки дрожат.

«Ну же, ну же!» – последние капельки упали не в рюмку, а на пластик стола.

На этот раз он принял сто граммов не мелкими глотками, а залпом. Затем вздохнул, набрав полную грудь воздуха, резко выдохнул.

– Ну и забористая! – вслух сказал он, оставив бутылку на столе и даже не закрыв ее пробкой, направился в свой кабинет.

Он в гостиной сбросил плащ, швырнул его на диван. Задернул в кабинете шторы, включил свет и уселся за стол. Вытащил бумажник, извлек из него стодолларовые купюры и разложил их перед собой. Банкноты нового образца он небрежно, как мусор, отодвинул в сторону: они его не интересовали. Затем пригнул колпак старомодной настольной лампы, низко склонился над столом и принялся тасовать на столе три серо-зеленые бумажки, абсолютно похожие друг на друга, как рубашка карт. Затем перевернул их портретами Франклина вниз и стал рассматривать обратную сторону купюр. После этого, вооружившись мощной лупой в медной оправе с костяной ручкой, аккуратно взяв одну из банкнот, начал изучать ее сперва на просвет, потом на ощупь, прикрыв глаза, прислушиваясь к тому звуку, который рождали подушечки пальцев и бумага от соприкосновения. Улыбка то исчезала, то появлялась на стариковских губах.

– Да, пожалуй... – пробормотал Иосиф Домбровский, откидываясь на спинку кресла. – Вот тебе на! Можно ожидать в жизни чего угодно, но не такой милой встречи.

Он вновь прикрыл глаза. На его лице застыло выражение, какое бывает только у стариков, глядящих на молодых девушек, для них уже недостижимых, – грустное и восторженное одновременно. Прелесть воспоминаний...

– Эх, Софья, Софья, – вдруг сказал он отчетливо и громко, на всю комнату – так, как будто супруга находилась где-то в квартире и сейчас должна была появиться на его зов. – Я бы мог тебе сейчас загадать загадку и уверен, – Домбровский указательным пальцем начертил в воздухе невидимый вопросительный знак, щелчком поставив точку, – ты бы, сто против одного, никогда ее не отгадала! Никто бы не отгадал.

Домбровский с торжеством потер руки.

«Эту загадку, изготовленную стариком Домбровским, не разгадала даже машина. А я почувствовал, что это они, не успев увидеть. Я как хорошая охотничья собака – она дичь не слышит и не видит, она ее чует. И я почуял, а затем уже увидел, затем уже взял в руки, рассмотрел и убедился».

– Да, теперь можно сказать, – громко произнес Иосиф Домбровский, – я прожил жизнь не зря, и кое-что я умел делать по-настоящему – так, как мог это делать только я один. И никакие увеличительные стекла, никакие микроскопы и телескопы не могут найти изъяна в работе Домбровского!

...До самого вечера, уже успев сходить в булочную, в газетный киоск, в кулинарию, купив в магазине две бутылки водки, старик Домбровский находился в приподнятом настроении и упивался своим счастьем. Это было только ему одному принадлежащее счастье, счастье великого мастера, поверившего в свой талант, мастера, которому удалось наконец получить признание у самой придирчивой и взыскательной публики.

Уже поздно вечером, когда куранты пробили одиннадцать раз и одна бутылка водки оказалась допита и отправлена в мусорное ведро, Домбровского закружили воспоминания, неотступные и по-своему приятные.

Всегда приятно вспоминать молодость, чем бы ты тогда ни занимался. И неважно, служил ли ты в армии, жил ли за границей или сидел в тюрьме, все равно ты тогда был молод и перед тобой простиралась еще длинная жизнь и ты мог распорядиться ею по своему усмотрению.

Домбровский подошел к комоду в гостиной, к старинному комоду, который он получил в собственность вместе с Софьей Андреевной как приданое. На комод стоял портрет жены. Старик оперся руками о край комода и стал смотреть на фотографию молодой Софьи Андреевны. Ей на этом снимке было тридцать три года. Черноволосая, прекрасная, с лукавой улыбкой, с ямочками на щеках, с блестящими большими глазами, она смотрела на мужа так, словно разделяла то ликование, которым был охвачен сейчас Иосиф Михайлович.

– Вот, Софья, – заговорил Домбровский, – если бы не ты, если бы не грустное и скорбное дело, ради которого мне пришлось пойти в обменный пункт, я никогда бы не узнал о том, что я признан, о том, что я гений...

Ему даже показалось, что взгляд Софьи Андреевны на фотографии изменился.

– Да, дорогая, если бы не ты, я бы этого, возможно, не узнал. И не тешил бы себя на старости одними предположениями. А теперь я знаю наверняка...

Ему даже показалось, что он слышит голос своей жены, тихий и спокойный: «Иосиф, о чем ты говоришь? Я не понимаю».

Софья Андреевна всегда называла мужа Иосифом, уважительно и почтительно. Если же они ссорились, она обращалась к нему не иначе, как по имени-отчеству.

– Ах да, ты у себя там, – Домбровский поднял кверху палец, – тоже не все знаешь. Вот в чем дело. Я хотел пойти к мастеру, который изготавливает могильные плиты, чтобы сразу, одним махом разобраться с этим делом и заказать плиту для нас с тобой, одну на двоих. Помнишь, мы когда-то с тобой об этом говорили? Ты еще тогда махнула рукой и сказала: «Иосиф, не городи ерунду и не стоит об этом думать. Я сделаю все как положено, будет не хуже, чем у других. Живые должны думать о мертвых, а не наоборот». И видишь, Соня, пришлось этим заниматься мне, а не тебе и не нашим детям. Они бы, конечно, сделали, но ты же знаешь, я люблю, чтобы все было хорошо. Я нашел мастера, настоящего мастера, а не этих халтурщиков, которые все делают тяп-ляп. Это старый человек, такой же мастер своего дела, как и я. Он на мраморе творит чудеса, я сам видел. Он режет камень, как масло. И буквы, высеченные на плите, поют. Поверь, дорогая, я умею ценить работу других, слава Богу, походил по похоронным конторам, насмотрелся всякого. Деньги они берут исправно, а когда доходит до работы, то глянешь – и плюнуть хочется. А этот старик создает произведения искусства. Правда, берет он много. Вот я и пошел, чтобы поменять рубли на доллары. В последнее время, Соня, никто не

берет рублями. Места много занимают, да и неизвестно, что с ними потом случится... Пятсот долларов он запросил. Конечно, милая, дорого, очень дорого. Но надо ли жадничать, ведь для себя делаем. Деньги с собой в могилу не понесешь. Конечно же, я договорился, там напишут: «От детей и внуков». Будет стоять наша с тобой фамилия. Вот только не знаю, какой год поставить себе. Вся проблема в четырех цифрах или в одной последней... Если доживу до двухтысячного и, может быть, еще продержусь немного, то тогда четыре цифры, а если нет, тогда надо будет выбить только одну цифру. Этот старик с немецкой фамилией Брандергас, хотя он никакой и не немец, сказал: «Послушайте, мужчина, зачем вы будете забивать себе голову ерундой? Вы скажите своим детям и внукам, чтобы они обратились ко мне, – и дал мне свой телефон. – Мастер придет прямо на кладбище и закончит свою работу». Вот на этом мы с ним и порешили. Но деньги, как всякий мастер, уважающий себя и свою работу, он попросил вперед, ведь что возьмешь с мертвого! Но странное дело, Соня, этот Брандергас уверен, что не умрет раньше меня и, кажется, он прав. Представляешь, он уверен, что если возьмет деньги, то не умрет раньше, чем выполнит заказ. Интересная философия, не правда ли? А главное, справедливая».

И Иосифу Михайловичу Домбровскому послышалось, что жена сказала: «Так ведь и ты хвалился всегда, что никому в этой жизни ничего не останешься должен – ни мне, ни детям, ни внукам».

– Да, хвалился, и знаешь, даже после того, как тебя не стало, я не наделал долгов. А то, что не сделал ремонт, то долг самому себе не считается. Да и зачем мне ремонт? Дети все равно квартиру продадут, а если не продадут, то приедут и все переделают тут по-своему. Ты же знаешь наших детей, им все не так. И мебель стоит не так, и на стенах висит не то, и паркет не таким узором лежит. В общем, ты их знаешь не хуже меня. Они не изменились, звонят раз в неделю, иногда навещаются. Правда, после них я неделю занимаюсь уборкой. Но я на детей не в обиде. Они живут своей жизнью...

И тут Иосиф Михайлович вспомнил, что он именно сегодня во второй половине дня должен был встретиться с мастером и отдать ему деньги.

– Экая незадача, – пробормотал Иосиф Михайлович, – такого со мной еще не случилось. Ведь пообещал прийти! А, это все из-за долларов. Разволновался, разнервничался, обрадовался, как малое дитя. Жаль, что объяснить не смогу мастеру, он бы меня наверняка понял.

И Иосиф Михайлович в белой крахмальной рубашке с угольно-черной бабочкой прошелся по гостиной, расправив плечи, выпятив грудь – так, словно именно сейчас ему на грудь должны повесить медаль за заслуги перед отечеством.

– Можно, можно, заслужил, – объявил он на всю квартиру.

Затем прислушался к тиканью курантов, отбросил медный крючок на футляре, открыл застекленную дверцу и, шурша цепочкой, подтянул тяжелые бронзовые гири, полюбовался на мерное качание маятника, на вспыхивающий и гаснущий блик в самом центре его диска. Потом направился на кухню, с довольным видом потирая разгоряченные ладони.

«Да, я заслужил, я имею право. Сегодня мой день, можно сказать, день ангела».

Иосиф Михайлович извлек из холодильника новую бутылку водки, свинтил пробку и достал из буфета вторую рюмку и круглый хрустальный графин и перелил в него содержимое бутылки. Он ушел из кухни, устроился в гостиной, наполнил рюмки, звонко чокнулся ими друг о друга.

– За тебя, Соня, за тебя, дорогая.

Осушил одну. Сглотнул набежавшую слюну.

Посидев еще минут пять без движения, старик Домбровский, уже не чокаясь, выпил вторую рюмку.

– Завтра у меня будет очень много дел, – говорил Иосиф Михайлович на кухне, тщательно протирая вымытые рюмки, – Но это будет завтра. А сегодня мне еще предстоит длинная

ночь, хотя, может быть, сегодня я просплю без этих сновидений, смогу отдохнуть. И вообще, время, кажется, пошло вспять, – Иосиф Домбровский улыбнулся. – Наверное, я скоро начну работать. Рука уже сама тянется к инструменту.

Глава 5

Когда в приемной генерала Потапчука зазвонил городской телефон, дежурный офицер, одетый в штатский костюм, недовольно посмотрел на аппарат. У офицера скопилось много работы, а городской телефон только отвлекает. Но служба есть служба, значит, он должен отвечать на звонки.

Выждав четыре сигнала, офицер взял трубку и не спеша поднес к уху, надеясь, что на другом конце трубку положат, и тогда сама собой отпадет необходимость тратить время на разговоры. Но трубку не положили.

– Вас слушают, – сказал офицер.

– Доброе утро, – послышался немного дребезжащий, но уверенный голос.

– Да, доброе утро. По какому вопросу вы звоните?

– Мне нужен хозяин кабинета.

– Я его помощник, слушаю вас.

– Нет, вы не поняли, молодой человек. Меня интересует только хозяин кабинета, и никто другой.

– Кто именно?

– Федор Филиппович Потапчук.

– А кто его спрашивает?

Ни в одном справочнике, доступном простым смертным, этот телефон, да еще в сочетании с фамилией и именем-отчеством генерала ФСБ, не значился.

– Да как вам объяснить, молодой человек...

– Как есть, так и объясните, – сказал офицер, подавляя раздражение, – вы же, надеюсь, знаете куда звоните?

– О, прекрасно знаю! – ответил абонент. – Скажите ему, что некто Иосиф Михайлович Домбровский хотел бы перекинуться с ним парой фраз.

– Сказать, что вы хотели бы перекинуться парой фраз? – уточнил офицер, не привыкший к подобным формулировкам в официальных разговорах.

– Да-да, именно так, – подтвердил Иосиф Михайлович. – Федор Филиппович меня хорошо знает, но может сразу и не вспомнить.

– Хорошо, я спрошу. перезвоните по этому же номеру минут через пять.

– Я думаю, он сам перезвонит мне, – самонадеянно сказал Иосиф Михайлович Домбровский, опуская тяжелую трубку на рычаги старомодного черного телефона.

Гравер сидел за столом в своем кабинете, положив перед собой большой блокнот, открытый на странице на букву «К». И уже от руки поверх «К» была выведена буква «Ф». На этой странице черной тушью каллиграфическим почерком была записана дюжина фамилий с номерами телефонов.

Офицер тоже положил трубку и удивленно пожал плечами.

«Странный звонок. Рабочий день только начался, и генерал буквально минут десять как вошел в кабинет. Ладно, потревожу, тем более, это первый звонок».

Офицер нажал кнопку на пульте и услышал голос генерала Потапчука:

– Входи, я не занят.

Помощник генерала поднялся, открыл двери и оказался в просторном кабинете Потапчука.

– Что скажешь, Александр?

– Странный звонок, Федор Филиппович.

– По существу говори, – нахмурился Потапчук.

Он не любил определений вроде «странный», «удивительный», «непонятный». Они его раздражали, ведь всему странному и непонятному есть логическое объяснение, и в задачи ФСБ как раз и входит поиск этой логики.

– Вам только что звонил некто Домбровский Иосиф Михайлович, уверял, что вы его знаете...

– Домбровский? – наморщил лоб генерал. Фамилия действительно была ему знакома. – Как ты сказал, Александр, его зовут?

– Домбровский Иосиф Михайлович, – отчеканил офицер.

– Домбровский... Домбровский... – медленно, будто пробуя фамилию на вкус, произнес генерал и чуть заметно усмехнулся: в памяти всплыли прежние времена. Потапчук звонко щелкнул пальцами. – Ах, Домбровский! Конечно же, знаю, конечно же, он мой старый знакомый. И что он просил?

Офицеру послышались в голосе генерала те же нотки, которые буквально пару минут назад прозвучали в голосе Домбровского.

– Сказал, хочет перекинуться парой фраз, – добросовестно процитировал офицер абонента.

– Ну что ж, соедини меня с ним, с удовольствием пообщаюсь.

– Я ему сказал, чтобы он перезвонил через несколько минут.

– Правильно сделал.

Помощник замялся.

– Но только он ответил, что вы сами ему перезвоните.

– Вот черт, наглец! И жив еще! Я уж думал, он давным-давно в сырой земле. Сколько же ему должно быть лет... Да уж восьмой десяток, – и Потапчук сразу же потянулся к телефону, словно боясь, что в таком почтенном возрасте Домбровский может не дожидаться его звонка.

Но тут Федор Филиппович спохватился, что не помнит телефон Домбровского. Номер давным-давно выветрился из его цепкой памяти, хотя раньше ему довольно часто приходилось связываться по службе с Иосифом Михайловичем. Федор Филиппович потер виски ладонями.

Помощник был проницателен.

– Федор Филиппович, проблема с номером?

– Да, Александр, знаешь ли, подзабыл.

– Нет проблем. Сейчас вам скажут.

– Вот за это ты молодец.

Когда офицер покинул кабинет, Потапчук немного ехидно улыбнулся: «Навряд ли он раздобудет номер господина Домбровского. Скорее всего, Иосиф Михайлович звонил из таксофона. Специально, разыгрывал меня, чтобы сказать потом – и никакое ваше ведомство не всесильное».

Офицер появился через минуту.

– Звонили из квартиры. Вот номер, – он положил перед генералом бумажку с написанным адресом и номером телефона.

Потапчук посмотрел на четвертинку белого листа, и на его губах мелькнула чуть грустная улыбка.

«Да, стареешь, братец, годы свое берут. Все хорохоришься, ходишь гоголем, а память-то уже не та. Хотя телефончик у Иосифа Михайловича простой, аж четыре четверки. И забыть его ты, конечно же, не должен был. Не тренируешь как следует мозг...»

Генерал Потапчук быстро, двумя пальцами, стал нажимать на клавиши телефона. Офицер бесшумно исчез, плотно закрыв дверь: его присутствие при этом разговоре явно не предусматривалось.

– Алло! Иосифа Михайловича можно? – сказал Потапчук, когда на другом конце провода сняли трубку.

- Слушаю вас, Федор Филиппович.
- А что это ты, Иосиф Михайлович, на «вы» начал?
- Да уж как-то много лет прошло после наших последних встреч... Тебе решать, на «вы» или на «ты» будем.
- Да, лет прошло немало. И когда мы с тобой в последний раз встречались? – задумчиво спросил генерал.
- Домбровский тяжело вздохнул:
- Пять лет тому.
- Пять лет тому ты уже на пенсии пробавлялся. Мы с тобой тогда на чьих-то похоронах, кажется, виделись.
- На похоронах генерала, Санаева Альберта Сергеевича. Ты еще подмигнул мне с другой стороны гроба из почетного караула.
- Как же, как же, помню... И как ты жив-здоров, Иосиф Михайлович?
- Жив-здоров – не о том речь. Другой у меня к тебе, Федор Филиппович, разговор.
- Давай, говори, чем могу – помогу.
- Федор Филиппович, может, по телефону и не стоило бы?
- Да ладно тебе, говори. Не думаю, что ты станешь разглашать большие государственные тайны, – засмеялся Потапчук. И то: откуда у человека, уже лет десять как ушедшего из органов, какая-либо важная секретная информация?
- А помнишь те времена, Федор Филиппович, когда ты был еще майором и работали мы на Старой площади, в левом крыле на третьем этаже?
- Эка ты куда загнул, Иосиф Михайлович! Конечно же, помню.
- Так вот, я по поводу той нашей работы. Есть у меня кое-какие новости.
- Хорошие, надеюсь?
- Были бы хорошие, не стал бы тебя беспокоить, в одиночку бы порадовался... Ты же человек по-прежнему занятой, ни одной минуты свободной, – с некоторой обидой сказал Домбровский.
- Ну, это ты, Иосиф Михайлович, напрасно так. Работы и вправду много, но для старого друга Потапчук всегда найдет время.
- Тогда, может, заскочишь ко мне? Посидим, чайку попьем, кофейку, водочки, коньячку... Надеюсь, ты по-прежнему употребляешь?
- А как же! Масштабы, ясное дело, не те, что прежде: возраст... Но водочка, говорят, кровь чистит, а коньячок сосуды расширяет.
- Ну вот и приезжай.
- Прямо сейчас?
- Да по мне, можно и прямо сейчас, – сказал Домбровский. – И водка, и коньяк у меня есть, «всухомятку» говорить не придется.
- Так все-таки, в чем суть дела? – не выдержав, спросил генерал, очень уж любопытной проблемой в свое время он занимался с гравером на Старой площади.
- Домбровский замаялся, не решаясь ошарашить Потапчука известием, хотя не исключено, что тот давным-давно в курсе и лишь он один, Иосиф Михайлович Домбровский, до сегодняшнего дня оставался в неведении.
- Нет, не стоит по телефону – с нашими прежними делами разговор мой связан.
- С валютой, что ли? – насторожился Потапчук и машинально взглянул на прибор, который должен был показывать, прослушивается разговор или нет, хотя не до конца доверял аппаратуре. Лампочка индикатора не мигала, возможно, линия действительно чиста. Но Потапчуку не хотелось рисковать. – Я сейчас разберусь со своими делами, и если никаких срочных не объявится, то к обеду приеду к тебе.
- Вот и прекрасно, – удовлетворенно отозвался Домбровский, – буду ждать.

Положив трубку, Потапчук озадаченно почесал затылок.

«Что же такое всплыло, связанное с валютой? Какие новости хочет поведать старый Домбровский? Впрочем, я сам не намного моложе – седьмой десяток пошел, – Потапчук задумался. – Старость опасная штука, вполне может быть, Домбровский впал в маразм – что-то чудится, видится. Или начали беспокоить призраки прошлого, что в принципе не так уж удивительно для людей нашей профессии».

Генерал нажал кнопку селектора и пригласил своего помощника в кабинет. Тот мгновенно появился, будто и не уходил.

– Слушаю вас, Федор Филиппович.

– Так, Александр, что у меня на сегодня из неотложных?

– На сегодня никаких встреч не планировалось. Коллегия у директора ФСБ завтра, выступает с докладом начальник четвертого отдела и вы.

– Хорошо. Совещание на сегодня никто не назначал?

– Нет, Федор Филиппович.

– Ну и прекрасно. В случае чего найдешь меня по сотовому. Я его возьму с собой. Машину ко входу.

Через полчаса Федор Филиппович Потапчук с букетом цветов в руках стоял у двери Домбровского и давил кнопку звонка. Дверь открылась почти сразу же. Двое далеко не молодых мужчин – один уже смирившийся с тем, что стал стариком, второй понимающий, что подобная метаморфоза не за горами, – посмотрели друг на друга оценивающе, но не стали обмениваться впечатлениями, которые у каждого появились при встрече – зачем расстраиваться лишний раз?.. Они лишь крепко пожали друг другу руки.

– А где Софья Андреевна? Это ей, – сказал Потапчук, скосив глаза на шелестящий букет.

– Софья Андреевна... – потерянно прошептал Домбровский, и его правая щека судорожно дернулась. – Нет Софьи Андреевны, уже больше года как нет.

– Да ты что! Она же совсем молодая, она же младше меня!..

Потапчук разозлился на себя, что не удосужился просмотреть в компьютере данные относительно гравера.

– Нет ее. Но за цветы спасибо, весьма признателен, я часто на кладбище бываю, занесу, обрадуется, – Иосиф Михайлович взял букет. – Проходи, раздевайся.

Потапчук, услышав «обрадуется», почувствовал себя не в своей тарелке.

«Конечно, он еще не в маразме, но близок к тому...»

Пока генерал раздевался, Иосиф Михайлович поставил цветы в белую фарфоровую вазу на комод рядом с фотографией супруги. Генерал прошел в гостиную, огляделся. Те же офорты на стенах, виденные им не однажды.

Он скользнул взглядом по портрету молодой Софьи Андреевны.

– Прими мои соболезнования, – повернувшись к Домбровскому, сказал он, – поверь, не ожидал.

– Да, это случилось неожиданно. Неожиданно для всех, кто ее знал. Она жаловалась на сердце, но как-то ни я, ни дети не придавали этому значения. А потом вдруг... Да ты проходи, присаживайся.

– На кухне расположимся?

– Зачем, сядем тут.

Генерал Потапчук устроился на диване перед журнальным столиком. Домбровский вышел на кухню и вернулся с подносом. На подносе стояли графин водки, рюмки, скромная закуска.

– Выпьем за мою Софью?

– Ну что ж, можно.

Они выпили не чокаясь. Генерал чувствовал, что Домбровскому не терпится завести разговор о деле, но не подгонял его, ждал, когда тот начнет говорить сам.

– Хорошие офорты, – похвалил генерал, – не отличишь от подлинника.

– Да уж, старался в молодые годы. Пойдем, Федор Филиппович, пойдем, потом посидим за столом, – и Домбровский повел генерала Потапчука в кабинет.

Шторы в кабинете были задернуты, горел яркий верхний свет.

– Присаживайся к столу в мое кресло, а я тебе кое-что покажу.

– Давай, давай, хвались, показывай. Может, бандиты обратились, попросили сделать какие-нибудь документы?

– Нет, бандиты, Федор Филиппович, меня пока обходят своим вниманием. Да и ты прекрасно знаешь, что Иосиф Домбровский никогда не марал руки грязной работой, даже если за нее предлагали большие деньги.

– Знаю, Иосиф Михайлович. Но ведь время меняется, нравы меняются, люди меняются. Да и с деньгами, наверное, туго.

– Это точно, люди меняются. Но существуют вещи, которые должны оставаться неизменными, и деньги здесь ни при чем.

– Что ты имеешь в виду?

– Честность, Федор Филиппович.

Потапчук лишь вздохнул.

– Смотри сюда, генерал, думаю, тебе будет интересно. – Домбровский вытащил из своего рабочего стола три стодолларовые купюры и положил перед генералом. – Смотри, смотри внимательно. Вот тебе лупа, случай, удивляйся.

– Ты уж лучше, Иосиф Михайлович, не тяни, объясни сразу, не трать время на прелюдии.

– Нет, ты посмотри, – настаивал Домбровский.

– Да что я увижу? – генерал взял доллары в руки, помял в пальцах, посмотрел на свет. – Деньги как деньги.

– Да, тут ты прав, Федор Филиппович. Даже в обменном пункте, где я их покупал, мне сказали, что они настоящие.

– Ну так в чем же дело?

– А в том дело, Федор Филиппович, что вот этот столик изготовил я, а вот эти, – Домбровский ткнул указательным пальцем, – изготовило казначейство Соединенных Штатов Америки!..

– Как это так – изготовил ты?

– Давно, еще тогда, в семьдесят пятом году. Неужели забыл?

– Почему забыл, только не вижу связи. И интересно, откуда она у тебя взялась? – генерал опять принялся вертеть в руках фальшивку.

– Оттуда и взялась: пошел вчера Иосиф Михайлович Домбровский поменять российские деньги на американские. Сейчас ведь за все принято рассчитываться валютой. А мне, Федор Филиппович, надо было рассчитаться за плиту.

– Газовую?

– Какую-то газовую... за мраморную, на могилу, – Домбровский грустно улыбнулся. – Софье Андреевне решил изготовить – и себе заодно. Я надумал сразу одну на двоих сделать, чтобы потом у детей проблем лишних не возникало...

– Ну-ну, не отвлекайся.

– Так вот, в обменнике мне дали пять бумажек, по сто долларов каждая. Оператор – молоденькая такая девушка с пухленькими губами, с темными глазами... Словом, милашка. И тут я что-то знакомое унюхал. Пальцы сами, Федор Филиппович, почуяли подвох. А вот все причиндалы ее – индикаторы, стеклышко увеличительное – показали, что это деньги настоящие.

– Не может быть!

– Еще как может! Неужели ты думаешь, что я стал бы тебя, генерала, отрывать от работы с какой-нибудь ерундой?

– Нет, погоди, Иосиф Михайлович, так я не думаю. Но ты ничего не путаешь? Ты уверен, что эти деньги дали тебе в обменном пункте?

– Уверен!

– А зачем ты взял, – резонно спросил генерал Потапчук, – если знал, что купюра фальшивая?

– А вот затем и взял, что обрадовался. Знаешь, для меня это было как медаль, как сертификат качества. Вот, дескать, Иосиф Михайлович Домбровский сработал, даже специалисты не могут отличить от настоящих!

– Да нет, погоди, – Потапчук почувствовал, что голова у него пошла кругом, – не могли тебе, Иосиф Михайлович, дать ТЕ деньги! Не могли!

– Почему? Все тайное рано или поздно становится явным.

– Не существует больше тех денег.

– Считаешь, я выдумываю?

– А ты уверен, что это фальшивая купюра? Как ты это определил?

– Федор Филиппович, всякий мастер всегда свою работу отличит. Тут именно тот случай. А по сравнению с долларами, выполненными моей рукой, настоящие кажутся мне подделкой.

– Погоди, – Потапчук принялся сличать деньги, воспользовавшись самой мощной лупой из набора гравера. Но, как ни старался генерал, он не мог найти ни малейшей разницы. Купюры были абсолютно одинаковыми, их отличала только степень износа. Подделка, изготовленная в семидесятые годы, была как будто только что из-под пресса.

– Так, может, ты все-таки прояснишь, а, Иосиф Михайлович?

– Понимаешь, генерал, так просто это не расскажешь. Есть вещи, которые для тебя непонятны. А вообще, если не веришь мне, можешь взять этот столик, поехать с ним в Центральный банк. Там у них стоит машина, кажется, одна на всю страну, которая с абсолютной точностью может распознать фальшивые деньги, по всем степеням защиты.

Лицо Потапчука немного побледнело. В свое время, служа в КГБ в чине майора, он был посвящен в операции с фальшивыми деньгами. Он не знал размаха, с каким Советский Союз печатал фальшивые деньги разных стран, но о том, что это делалось, генерал Потапчук был осведомлен достаточно хорошо, ведь сам, бывало, участвовал в их закладке на хранение. Естественно, давал подписку о неразглашении, которой теперь грош цена. И именно он, майор Потапчук, привел в здание на Старой площади гравера Иосифа Михайловича Домбровского. И именно Домбровский, кроме изготовления фальшивых документов, занимался изготовлением клише фальшивых денежных знаков.

– Послушай, а почему ты, Иосиф Михайлович, обратился ко мне?

– По старой дружбе, – усмехнулся Домбровский. – Мы же с тобой тогда хорошо поработали. Тебя, насколько я помню, повысили в звании, меня, за изготовление клише, наградили премией. В общем, у нас с тобой все было хорошо.

– Это точно. Тоскуешь по былым временам? – спросил генерал Потапчук.

– Нисколько, – ответил Домбровский. – Тоскую лишь по молодости да по тому, что она уже никогда не вернется.

– Не вернется, – с печалью подтвердил генерал Потапчук. – Послушай, а как ты посмотришь, если я у тебя эти сто долларов заберу?

– Надеюсь, не навсегда? – пошутил Домбровский.

– Да нет, конечно, нет. Я тебе их верну, или отдам другую сотку, только постараюсь убедить.

– Можешь не стараться. Зачем мне тебя обманывать? Я старый человек, врать и подставлять своего старого приятеля мне, генерал, ни к чему. А денежку возьми, пусть тебе скажут специалисты, что это искусно выполненная подделка, очень искусно.

– Озадачил ты меня, братец, озадачил... – Федор Филиппович аккуратно спрятал сто-долларовую купюру в свой тощий бумажник, стараясь ее не помять. И перехватил лукавый взгляд гравера. – Я ту взял?

– Ту, ту, – успокоил Домбровский.

– И как ты их только отличаешь?

– Позанимался бы ты с мое, Федор Филиппович, тем, чем я, и ты бы отличал.

– Наверное...

– Пойдем выпьем, – предложил Домбровский, гася настольную лампу и укладывая лупу в большой пенал на мягкий синий бархат.

Они вернулись в гостиную, уселись друг напротив друга.

– А ты форму не теряешь, – сказал Потапчук, глядя на идеально отутюженные брюки, белую рубашку и черную бабочку приятеля. Даже подтяжки у него были в тон брюкам. – Или специально для меня старался?

– Что ты имеешь в виду? – ворчливо спросил Домбровский.

– Ты законсервировался. Каким был десять лет назад, таким и остался.

– Да ты и забыл, что было десять лет назад! – немного ехидно заметил Иосиф Михайлович.

– Точно тебе говорю! А вот я сдал, – признался генерал Потапчук. – Знаешь, в последнее время столько работы навалилось – просто невпроворот. И дела все какие-то нервные.

Домбровский усмехнулся:

– Что, начальство не жалуется?

– Не только в нем дело. Так уж получается теперь, что само наше начальство не знает, чем заняться. Прогибаются перед властью, прогибаются перед Западом и Востоком, на месте не засиживаются – постоянно меняются. А те, кто когда-то умел работать, те и работают, только на них можно положиться.

– А молодежь? – задал свойственный старикам вопрос Иосиф Михайлович.

– Молодежь в последнее время к нам не идет. Кстати, как твои дети?

– А что дети... – Иосиф Михайлович махнул рукой. – У них своя жизнь, у меня своя. Дочка в Риге, с мужем ей повезло, хороший человек, латыш по национальности и по убеждениям. Сейчас ходит в звании полковника.

– Полковника?

– Теперь в их конторе работает.

– Понятно... А сын?

– Сын в Питере. С первой женой развелся, что-то у них не получилось. А вот вторая жена хорошая, и внуки хорошие. Правда, сорванцы. Как приедут, такое начинают творить у меня тут! А я почему-то после смерти Софьи беспорядок ненавижу. Мне надо, чтобы каждая вещь знала свое место, тогда я спокоен.

– А со здоровьем как? – поинтересовался Потапчук.

– Грех жаловаться. Руки еще крепкие, глаз точный. Правда, я после смерти Софьи не работаю.

– И что же, к тебе не обращаются документы налево выправить, фальшивую печать поставить или еще что-нибудь в этом роде?

– Да нет, Федор Филиппович, не обращаются. Все же знают, я мужик принципиальный. Если сразу на эту дорогу не встал, то уж на старости лет принципам изменять не буду. О душе пора думать...

– Видишь, Иосиф, как жизнь течет, уже столько из нашего поколения нет на свете. А мы еще ходим, коптим небо.

– Так, видно, Богу угодно. Одних он забирает рано, другим дает возможность покоптить.

– Не скучно без работы?

– Знаешь, Федор Филиппович, – признался Домбровский, – после того, как увидел доллары – те, которые изготовил сам, опять захотелось работать. Может, даже завтра или послезавтра начну. Хотя нет, завтра поеду на кладбище, встречу с мастером. Фамилия у него чудная какая-то. А может, это и не фамилия, а кличка: Брандергас. Так его все называют, так мне его и рекомендовал один знакомый ювелир. Он своей жене заказывал могильную плиту тоже у Брандергаса.

– Брандергас? Действительно чудная фамилия, – пожал плечами генерал Потапчук. – И что, он мастер?

– Настоящий мастер, не хуже меня. Конечно же, в своем деле.

– Иосиф, давай-ка выпьем вот за что... Все меняется, власть меняется, правители, генералы приходят и уходят. А знаешь, кто всегда в цене, Иосиф Михайлович?

– Кто же? Умные люди?

– Не знаю насчет ума. Но всегда нужны такие люди, как ты, как твой Брандергас, – все, кто умеет делать свое дело по-настоящему.

– Ну, генерал, спасибо, порадовал комплиментом!

– Давай, Иосиф Михайлович, выпьем за мастеров!

Старики подняли рюмки, чокнулись и выпили, глядя друг другу в глаза. Закусив, Потапчук сказал:

– А ведь сейчас фальшивых денег развелось море. Даже подделывают российские новые сотенные купюры.

– А как же, знаю.

– Но все туфта. С тобой они соревноваться не могут. Делают, вдувают на базаре глупым старикам и старухам, а чтобы вот так, как ты, как мы в свое время...

– За нами стояло государство, – заметил Домбровский, – огромная машина, со всей передовой техникой. Это тебе не станочек в подвале. Одна шестая земли работала на нас с тобой.

– Нет, не она, Иосиф Михайлович, работала на нас, а мы работали на нее, обслуживали как могли, чтобы все винтики крутились-вертелись, чтобы все тикало, как в часовом механизме. Старый механизм изнашивался – новый придумали. А сейчас этот новый механизм и расстроился, видать, не все шестеренки от старого из него вытащили. Пытаемся, конечно, подтянуть, наладить, отрегулировать, но ничего пока не получается.

– Развораживают государство. А кроме этого и делать ничего толком не умеют.

– Между прочим, на что ты живешь, Иосиф Михайлович?

– Да я же старый человек, мне уже восьмой десяток пошел, и мне много не надо: бутылочку водки на день да закуски нехитрой. Одежду я ношу старую...

– Надо же, – удивился Потапчук, – одежда на тебе как только что из магазина.

– Слежу. Не хочется опускаться, стыдно перед покойницей Софьей Андреевной.

– Это ты молодец. Опускаться нельзя. И руки опускать тоже не надо.

– А хочешь, анекдот тебе расскажу? Старый анекдот, но очень мне нравится.

– Расскажи, расскажи.

Иосиф Михайлович наполнил рюмки водкой.

– Приехал Ярузельский в Америку. Их президент приглашает его в свой кабинет, открывает дверь в маленькую комнату и показывает на столе два пульта. На одном золотая кнопка, а на другом серебряная. И спрашивает у Ярузельского, знает ли тот, что это за кнопки. Ярузельский пожимает плечами, вытирает свои темные очки. «Так вот, господин Ярузельский, – говорит американец, – если я нажму на серебряную кнопку, американские ракеты тут же уничтожат

всю Восточную Европу. А если нажму на золотую, они уничтожат весь Советский Союз». Ярузельский в ответ хмыкнул и говорит: «А знаете, господин президент, вы мне напомнили одну солидную даму. Еще до войны в Варшаве была мадам Бельдюкевич, и содержала эта мадам самый роскошный во всей Варшаве публичный дом. Клиентами ее являлись генералы, послы и другие люди, облеченные очень большой властью. И у этой мадам Бельдюкевич в ее апартаментах стояло два унитаза – один золотой, другой серебряный. Так вот, когда в тридцать девятом пришли Советы – а эта новость застала мадам Бельдюкевич на лестнице ее дома, – она не успела добежать ни до золотого, ни до серебряного унитаза, а наделала в штаны прямо на лестнице».

Генерал Потапчук расхохотался – так весело и бесшабашно, словно скинул с плеч лет двадцать – двадцать пять. Усмехнулся в ответ и старый гравер.

– И к чему ты мне рассказал этот анекдот? – спросил Потапчук, сдерживая приливы хохота.

– Просто так. Анекдот хороший.

– Да, не знал я этого анекдота. Всякий финал мог предположить, а вот такого нет. А почему ты, Иосиф Михайлович, не уехал в ту же Польшу? С твоими-то руками, талантом жил бы ты там и не тужил. Дом у тебя был бы хороший, машина...

– Не хочу я никуда уезжать, мне и здесь неплохо. Да и могила Сони здесь. Куда я поеду на старости лет? Поздно жизнь менять.

– Давай на посошок, – предложил Потапчук и сам разлил водку по рюмкам.

– За что выпьем?

– За следующую встречу. Думаю, ты мне понадобишься. Есть у меня к тебе дело, но об этом не сейчас.

Домбровский и Потапчук выпили, закусили и распрощались.

Иосиф Михайлович смотрел из окна, как черная «Волга» с затемненными стеклами и двумя антеннами плавно отъехала от подъезда, направляясь к большой арке, украшенной пилястрами.

«Хороший мужик, честный», – подумал Домбровский о генерале Потапчуке и взялся за уборку.

А генерал Потапчук был явно озадачен тем, что узнал от Иосифа Михайловича. Он приказал водителю ехать в Центробанк. Уже из машины генерал связался с охраной банка, и его встретили у входа.

Проверка показала, что действительно, стодолларовая купюра, которую привез генерал, является виртуозно сработанной фальшивкой. И распознать подделку можно было только здесь, в Центробанке, и больше нигде на всей территории России. У генерала даже спросили, откуда у него взялась такая купюра, на что генерал ответил:

– Это оперативная тайна.

Он забрал заключение экспертов и стодолларовую банкноту, изготовленную великим мастером Иосифом Михайловичем Домбровским еще в тысяча девятьсот семьдесят пятом году.

«Да, времечко было лихое. Прав Домбровский: огромная машина, одна шестая мира стояла тогда за нами. Теперь все по-иному. Но ничего, жить надо, работать надо. Надо изобличать негодяев и бороться с преступниками».

Глава 6

Федор Филиппович приехал в свой кабинет в немного грустном, задумчивом настроении и сразу же занялся тем, что попытался получить информацию по поддельным стоцолларовым банкнотам. Информация оказалась закрытой даже для такого высокого чина ФСБ, как генерал Потапчук. Тогда генерал воспользовался другим каналом, но и там выяснилось, что информация по этому вопросу является закрытой.

«Что за чертовщина? – подумал Потапчук. – Как это информация закрыта для меня, тем более что прошло столько лет! Неужели придется действовать через директора ФСБ?»

А с этим вопросом обращаться к своему начальству Потапчуку не хотелось. Не хотелось копаться в старом. Но дело, как понимал Потапчук, того требовало. И он, позвонив, записался на прием к директору ФСБ, не объясняя помощнику директора цель своего визита.

В те далекие времена – в середине семидесятых – Комитет государственной безопасности занимался весьма сомнительными делами. Он располагал огромным штатом специалистов, которые изготовляли всевозможные фальшивки – от печатей и паспортов до иностранных валют. Фальшивые деньги тогда делались для экономической диверсии, чтобы в случае чего сбросить огромную партию наличных долларов в экономику своего главного врага – Соединенных Штатов, и вызвать панику на финансовых рынках союзников. И, по сведениям генерала Потапчука, партия фальшивых денег была уничтожена сразу же с началом так называемой перестройки, уничтожена вместе с архивами, вместе с бесценными документами, с клише. По разумению Потапчука, те фальшивые доллары никоим образом не должны были появиться на внутреннем рынке. И скорее всего, они не должны были попасть и на внешний рынок.

Так что в этом деле существовало много загадок. Одна стоцолларовая купюра, случайно обнаруженная гравером, вызвала у генерала Потапчука волну воспоминаний о достославных временах могущественной Советской империи, когда власть здания на Старой площади распространялась на весь мир. Тут же генерал Потапчук вспомнил о деньгах партии, о которых так много писали во всех газетах и которые безуспешно пытались отыскать на счетах зарубежных банков, но так и не нашли. Вспомнил цепочку самоубийств и необъяснимых смертей тех людей, которые имели доступ к архивам Старой площади и, таким образом, были причастны к деньгам партии.

Потапчук понимал, можно забыть об этой стоцолларовой купюре, которая лежит в его бумажнике, не думать о ней и не оглядываться в прошлое. Случайный отголосок долетел до него, и не стоит ждать, когда еще раз аукнется. Но не таким человеком был генерал Потапчук. Если в его руки попадала хоть тоненькая ниточка, он всегда пытался разобраться, куда она ведет и как выглядит клубок, от которого тянется, пристально изучал самый маленький узелок на ниточке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.